

Леонид Кутуков

•
ГОРЬКАЯ
ИСТИНА

А Л Е Т Е Й Я

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

Леонид Кутуков

Горькая истина

«Алетейя»

1937–1979

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кутуков Л. Н.

Горькая истина / Л. Н. Кутуков — «Алетейя», 1937–
1979 — (Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы)

ISBN 978-5-00165-541-1

Впервые публикуются мемуары литератора-эмигранта Леонида Николаевича Кутукова (Санкт-Петербург, 1897 – Ницца, 1983), писавшего под псевдонимом Николай Кремнев. В первой их части подробно изложены впечатления молодого офицера о трагическом падении российской монархии и об ответственности «февралистов», предуготовивших дальнейший путь к большевистской диктатуре; во второй – уникальное повествование о белом подполье в красном Петрограде в 1919 г. Воспоминания дополнены обширным корпусом исторических и автобиографических очерков, собранных составителями из труднодоступной периодики Русского зарубежья. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-541-1

© Кутуков Л. Н., 1937–1979

© Алетейя, 1937–1979

Содержание

О слове и славе[1]	7
Г. Талалай, А. Г. Власенко	10
Записки	12
Первая часть	12
Третья Петергофская школа прапорщиков	12
Запасный батальон Лейб-гвардии Московского полка	19
Необходимые примечания[23]	19
Назначение в команду «второразрядников»	22
«Пятьдесят шагов назад»[27]	24
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Леонид Кутуков (Николай Кремнев)

Горькая истина

Записки и очерки

© М. Г. Талалай, составление, научная редакция, публикация, статья, подбор иллюстраций, комментарии, 2022

© А. Г. Власенко, составление, научная редакция, статья, комментарии, 2022

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

Дизайн обложки И. Н. Граве

На обложке: Иван Загоруйко, «Чаяпитие на Амальфитанском берегу», 1958 г., частная коллекция (Италия).

Все фотографии публикуются впервые (архив М. Г. Талалая).

* * *

30 Января/12 Февраля 1937 года . Парижъ.

Леонид Кутуков.

О слове и славе¹

Скончавшийся 21 ноября 1983 г. в Ницце офицер Императорской Гвардии Леонид Николаевич Кутуков (Николай Кремнев), родившийся в Петербурге в 1897 г., был одним из старейших сотрудников «Нашей Страны». Его первая статья – «Навстречу чудо-богатырям» – была помещена в № 7 от 11 декабря 1948 г. С тех пор он всегда принимал живое участие в судьбах газеты. В 1951 г., в связи с ее переходом на еженедельное издание, он писал издателю «Нашей страны» В. К. Левашеву-Дубровскому²: «Я искренне обрадовался этой неожиданной для меня новости, ибо еженедельный выпуск газеты ставит ее в ряды наиболее распространенных эмигрантских изданий, свидетельствуя о популярности ее у читателей».

Помимо своего сотрудничества в «Нашей Стране» и других национальных органах печати, Л. Н. Кутуков написал работу под названием «Царские опричники», изданную В. К. Дубровским, в которой разоблачил – по свидетельствам самих революционеров – поклепы на царскую полицию.

Одновременно, прочтя книгу пресловутого маркиза де Кюстина³, сделал из нее выборки и документально доказал, что этот маркиз «либеральных» убеждений поехал в Россию с определенным «социальным заказом». Злополучного маркиза цитировал всякий, кому не лень, и до появления труда Леонида Николаевича не было отповеди по существу, да никто почти и не знал полного содержания его книги, ни его биографии, убийственной с нашей точки зрения. Это было проворонено и полицией того времени, чем и объясняется милостивый прием, оказанный Императором Николаем Первым этому «прогрессивному» маркизу.

В 1967 г. Л. Н. Кутуков восторженно сообщал издательнице «Нашей страны» Т. В. Дубровской⁴: «У меня здесь в деревне в августе были подсоветские люди, с которыми я оказался полным единомышленником! "Царских опричников" провезли в СССР, и пишут мне, что книжка имеет там колоссальный успех».

Из неизданных отдельными книгами его работ, следует отметить труд о пребывании Гоголя в Риме с описаниями города и мест, которые любил Николай Васильевич (сотрудник «Нашей Страны» зарабатывал на хлеб насущный, мотаясь по Европе в качестве туристического гида), а также – «Декабристы и мы». Тема: бунт декабристов и оказанное их наследникам сопротивление в 1917 г. в Петрограде в Запасном батальоне Лейб-Гвардии Московского полка (Кутуков сам был участником этого события).

В 1952 г. в США скончался генерал Спиридович⁵. Кутуков его лично знал по Парижу. Точка зрения Спиридовича на февральский переворот совершенно совпадала с версией И. Л. Солоневича⁶. Кутуков давал генералу отрывки своих воспоминаний о 27 феврале 1917 г. в Запасном Батальоне Лейб-Гвардии Московского полка, и он их использовал в своем третьем томе «Великой войны и февральской революции» – книге об его службе по охране Царской Семьи. Подготовка февральского переворота была разработана у Спиридовича со всеми

---

¹ Переработанный специально для данного издания текст, первоначально вышедший как некролог («Наша страна», Буэнос-Айрес. 24 дек. 1983, № 1744, с. 1). – Здесь и далее прим. редакторов.

² Всеволод Константинович Дубровский (наст. фамилия Левашов; ? – 1966) – соратник И. Л. Солоневича, издатель монархической газеты «Наша страна».

³ Астольф Луи Леонор де Кюстин, маркиз (1790–1857) – французский писатель, путешественник, автор критического памфлета «Россия в 1839 году».

⁴ Татьяна Владимировна Дубровская (? – 1982) – жена В. К. Левашова-Дубровского, издательница газеты «Наша страна».

⁵ Александр Иванович Спиридович (1873–1952) – государственный деятель, военачальник. Генерал-майор Охранного корпуса жандармов. Начальник киевского охранного отделения. Начальник Императорской дворцовой охраны. С 1920 в эмиграции, жил во Франции. Деятели Русской монархической партии. Написал несколько книг. С 1950 жил в США.

⁶ Иван Лукьянович Солоневич (1891–1953) – публицист, мыслитель, исторический писатель и общественный деятель, создатель теории народной монархии. Основатель газеты «Наша страна» (Буэнос-Айрес).

подробностями, а история самого бунта засвидетельствована им буквально минута за минутой. Спиридович сам читал Кутукову отрывки. У генерала также имелась (надеюсь, не пропавшая) история русского революционного движения.

Леонид Николаевич был знаком и с Е. Кусковой⁷, знаменитой «трубадурой революции», с которой он спорил о «достижениях» советской власти. Она утверждала: «когда лес рубят – щепки летят». Кремнев же парировал: «Не выберись мы за границу, могли бы и мы попасть в щепки, а потому я и не могу объективно рассуждать об этих достижениях, не считая себя в праве легкомысленно относиться к чужим жизням». Кускова не смогла с ним не согласиться. Интересно еще одно ее признание: в Швейцарии с революционерами сейчас обращаются гораздо строже, чем это было в Императорской России. И еще: Кускова говорила Кутукову, что к НТС надо относиться с большой осторожностью. Ее приглашали на конференцию солидаристов во Франкфурт, но она отказалась к ним ехать.

Впрочем, сам Леонид Николаевич не подходил к этому вопросу со свойственной многим «зубрам» уостью. В письме В. К. Дубровскому от 21 октября 1952 г. он писал: «В Риме виделся с профессором Гротовым⁸. Я его знаю еще по 1942–1944 гг. Он из новых. Пишет под разными псевдонимами в русских и итальянских газетах. Очень правый, но придя в отчаяние от правого бездействия, стал сотрудничать с солидаристами, оставаясь правым по убеждениям. Многие говорят, что если у солидаристов даже на 90 % есть блефа, то всё же 10 % есть настоящей борьбы с большевиками, прокламациями радио и т. д. Это общий лейтмотив».

Следует отметить, что вскоре профессор С. В. Гротов (Алексей Ростов, настоящая фамилия Сигрист) нашел точку применения своих сил в рядах Российского Народно – Монархического Движения.

Убежденный монархист, Леонид Николаевич гордился тем, что его прадед еще до февраля 1861 г. освободил своих крепостных.

Под прямым начальством полковника Павла Николаевича Богдановича⁹ покойный служил в Управлении Делами Русской Эмиграции в Париже в 1942–1944 гг. Управляющим делами был Ю. С. Жеребков¹⁰, приговоренный во Франции к смерти и в 1950-х гг. проживавший в Мадриде. Редактором газеты Управления был полковник Николай Владимирович Пятницкий¹¹, приговоренный к 10 годам каторги и в начале 1952 г. освобожденный досрочно. После этого Пятницкому приходилось воздерживаться от публичных выступлений, а был он хорошим оратором и лектором.

Участник эпопеи антибольшевицкого заговора в Красном Петрограде, Л. Н. Кутуков сражался также в рядах регулярной Белой армии. «В армии Юденича, – писал он, – я был всего лишь 4 месяца, а потому никаких производств не получил, оставшись в чине прапорщика про-

---

⁷ Екатерина Дмитриевна Кускова (1869–1958) – публицист, активный деятель революционного, либерального и масонского движений, прозванная оппонентами «вдовушкой русской революции». В 1922 по указанию Ленина была выслана за границу. Жила в Праге, затем в Женеве. Проповедовала идеологию «возвращенчества».

⁸ Сергей Викторович Сигрист (псевдонимы А. Ростов, проф. Гротов, Сиверс; 1897–1986) – журналист, общественно-политический деятель. В 1930 был обвинен в участии в монархическом заговоре академика С. Ф. Платонова и приговорен к 5 годам заключения. Во время Второй мировой войны воевал в штрафбате. Попал в плен. В эмиграции занимался антикоммунистической деятельностью как публицист.

⁹ Павел Николаевич Богданович (1883–1973) – офицер, журналист. Участник Первой мировой войны. С 1918 в эмиграции. Жил в Париже. Один из создателей и руководитель Национальной организации русских разведчиков. Редактор еженедельника «Парижский вестник». С 1948 жил в Аргентине.

¹⁰ Юрий (Георгий) Сергеевич Жеребков (1908 – после 1980) – журналист, артист. С 1920 в эмиграции. Окончил кадетский корпус в Белой Церкви (Югославия). С 1935 жил в Германии, работал в театре и кино. Руководитель Управления по делам русской эмиграции во Франции. Издатель газеты «Парижский вестник». Член Комитета Освобождения Народов России (КОНР). С 1949 жил в Испании.

¹¹ Николай Владимирович Пятницкий (1893–1962) – офицер, журналист. Участник Белого движения на Юге России. Один из основателей Русского национального союза участников войны. Редактор еженедельника «Парижский вестник», газет Комитета освобождения народов России (КОНР) «За Родину» и «Воля народа». Сотрудник журнала «Возрождение».

изводства января 1917 г., что служило поводом всевозможных насмешек моих дорогих однополчан в парижском объединении; однополчане были в большинстве случаев гвардейскими полковниками».

В 1967 г. об упомянутом выше заговоре советский автор Сапаров¹² написал книгу под названием «Битая карта». После раскрытия заговора, одному из его участников, инженеру Б. А. Богоявленскому, удалось бежать в Финляндию. Кутуков же, по заданию своего начальника Кюрца¹³ поступил в Красную Армию, а в июне 1919 г. попал в плен к белым. У Богоявленского, как и у Кутукова, имелись очень интересные материалы об этом заговоре, но Леонид Николаевич признавал, что изложение Сапарова соответствовало фактам, хотя разумеется всё было представлено в свете «добродетель (чекисты) торжествует, а порок (белобандиты) наказан».

Передовицы Николая Кремнева чаще всего появлялись в «Нашей Стране» под рубрикой «Российская точка зрения». Последняя статья вышла уже после его кончины, в № 1744 от 24 декабря 1983 г.

Как журналист, он боролся словом. Как белый офицер, он приобщился к славе.

Николай Казанцев (Буэнос-Айрес)

---

¹² Ариф Васильевич Сапаров (1912–1973) – писатель, журналист. Военный корреспондент. Автор книг о ленинградской блокаде, а также цикла так называемых чекистских повестей.

¹³ Илья Романович Кюрц (1873–1931) – журналист, секретный сотрудник Департамента полиции. Сотрудник военной контрразведки. Расстрелян по обвинению в шпионской и контрреволюционной деятельности. См. о нем ниже в Записках Л. Н. Кутукова о заговоре «Белый меч».

Г. Талалай, А. Г. Власенко От составителей

Настоящее издание включает часть обширного творческого наследия литератора-эмигранта Леонида Николаевича Кутукова (С. – Петербург, 1897 – Ницца, 1983), писавшего под псевдонимом Николай Кремнев. До этого у него вышла одна небольшая книга: в 1953 г. в Буэнос-Айресе издательство «Наша страна» опубликовало под одной обложкой два его очерка – «Царские опричники (по свидетельствам революционеров)» и «Маркиз де Кюстин». Вне сомнения, автор мечтал о более полном издании своих трудов, и мы рады, что пусть даже и спустя годы после его кончины, это желание исполняется.

Сборник произведений Кутукова-Кремнева состоит из двух частей: первая, мемуарная, публикуется на основе неизданных архивных материалов; вторая – очерки, собранные нами из различных газет и журналов русского зарубежья.

Судьбу мемуаров Кутукова можно назвать счастливой – они не погибли и не затерялись, что легко могло произойти, так как автор скончался в одиночестве, уже вдовцом. Однако в Сан-Ремо у него были итальянские родственники – потомки его тети Анны Николаевны Кутуковой, в замужестве Сведомской, к которым и поступил архив Леонида Николаевича. Линия этих родственников (Мануэль-Джизмонди) тоже иссякла, но с ними долгие годы дружила исследовательница-русистка Марина Моретти, жительница Сан-Ремо, и архив литератора (точнее то, что от него осталось) попал в итоге к ней. Мы чрезвычайно признательны М. Моретти, что она сохранила бумаги и фотографии, и решила передать их нам для публикации.

Судя по всему, Леонид Николаевич приводил свой архив в порядок в конце 1970-х гг., и попавшие к нам мемуары и разного рода важные для автора тексты сшиты вместе в папку, которая сама по себе имеет вид книжного издания – с обложкой, корешком, с портретом автора на авантитуле. Папка открывается письмом к автору от Солженицына, некое «благословение» мемуарного труда Кутукова (после изгнания из СССР Солженицын обратился к российской эмиграции с призывом слать ему воспоминания).

Мемуары состоят из двух частей. В первой подробно рассказывается о трагическом падении российской монархии и о безответственности февралистов, предуготовивших дальнейший путь к большевистской диктатуре. Вторая – необыкновенный сюжет о белом подполье в красном Петрограде.

Кутуков вел в революционную эпоху подробный дневник, который спустя двадцать лет, уже будучи в Париже, он привел в литературную форму, структурировал и сделал машинопись (на старой орфографии, которую мы заменили на новую). Прошло еще три десятилетия и он, перечитав свой машинописный текст 1937 г., дописал от руки некоторые комментарии и дополнения. Собирая папку в форме «книги», автор подклеил в нужные места фотографии, вырезки из газет, письма, афиши и прочее: по сути дела, осуществил ценное руководство для исследователей его творчества и нас, публикаторов.

На титульном листе папки автор поставил техническое название – «*Записки*». Нам показалось возможным взять для названия нового сборника выражение из его небольшой собственной преамбулы, помещенной на следующем после титула листе: «... Вот уж, действительно, что называется "горькая истина"».

Вторая часть настоящего издания – это отобранные нами исторические и автобиографические очерки: повествование ведется от автора, и своими сюжетами и тональностью они как бы продолжают мемуары.

За рамками сборника «Горькая истина» остался значительный литературный материал, который еще ожидает встречи с читателем.

Михаил Талалай (Италия), Андрей Власенко (США)

Записки (Публикация М. Г. Талалай)

Первая часть Февраль 1917 года

Мои записки не литературное произведение, а свидетельское показание: всё изложенное – сушая правда без выдумок, прикрас, или сгущения красок. Вот уж действительно, что называется «горькая истина».

*Февраль 1937 года. Париж
Леонид Кутуков*

*Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный.
А. С. Пушкин*

*Мы, русские, не имеем сильно окрашенных систем воспитания. Нас не муштруют, из нас не вырабатывают будущих поборников и пропагандистов тех или других общественных основ, а просто оставляют расти, как крапива растет у забора.
М. Е. Салтыков-Щедрин*

Третья Петергофская школа прапорщиков

Конец 1916 года. Зима. Старый Петергоф.

В казармах Лейб-гвардейского Конно-Гренадерского полка помещается 3-я Петергофская школа прапорщиков¹⁴.

Курсовой офицер нашего взвода ведет занятия полевым уставом со всей 3-й ротой. Юнкера, недавние студенты, скучают, разбираясь в походных движениях рот, батальонов, полков, бригад, дивизий и т. д.

Вдруг раздается команда – «Встать!»! «Смирно!» Входит ротный командир Подполковник Марков, кавалер Георгиевского Оружия, многократно раненый в двух войнах.

– «Господа», – говорит он, «пришли вакансии в Запасный батальон Лейб-гвардии Московского полка. Прошу дворян встать».

Встает человек 6 из 150 присутствующих.

– «Если желаете воспользоваться вакансиями», обращаясь к вставшим продолжает ротный, – «заявите Вашему курсовому офицеру».

---

¹⁴ Казармы лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка частично сохранились и используются как муниципальные и заводские помещения (Петродворец, Конно-Гренадерская ул.).

«Служба дозоров», октябрь 1916 г.

«Расчистка катка», декабрь 1916 г. В центре: полковник барон В. К. де Пеленберг, полковник Марков, поручик В. И. Платицын

Представление в Запасной батальон полка

Через несколько дней я еду представляться. *Мне было очень неловко*¹⁵. Медные пуговицы начищаю до блеска, много раз проверяю всё обмундирование, одеваю «собственные» сапоги. Стригусь под машинку. Меня освобождают от занятий и я, вместе с другими юнкерами, еду в Петроград.

К сожалению, наш курсовой офицер нам никогда не разъяснял, что такое Офицерское Собрание, каковы правила Собрания, традиции, и как принято там себя держать. Вообще нам никогда не объясняли, что такое офицер, каковы его права и обязанности, как офицер должен себя держать на службе, в Собрании, на улице, в театре, в ресторане и т. д.

Мы знали, что офицерская форма нас ко многому обязывает, но нам никто не разъяснял, что достойно офицера, что недостойно, как надо реагировать в случае оскорбления, в случае нападения и т. д.

Вообще обучали минимуму военных наук и вовсе в нас не воспитывали будущих офицеров. А на такой неподходящий материал, как студенты, надо бы было обратить внимание именно в этом отношении. Поэтому было очень страшно ехать представляться и впервые попасть в Офицерское Собрание, да еще Гвардейского полка.

Добираемся до казарм полка и через ворота входим на полковой плац¹⁶. Останавливаемся как вкопанные. Есть чему подивиться. Мороз градусов 15, ветер. На плацу происходит учение. Целые роты рослых молодцов, лихо держа винтовки на плече, под барабан отбивают шаг на месте; солдатские сапоги и убитый снег скрипят, слышны слова команды, пар валит столбом.

Несмотря на метель и мороз, высоко подняты головы, вперед до пояса и назад до отказа машут руки; мерно отбивается шаг. Величественное зрелище молодости, силы, здоровья и дисциплины. Вот она «Рассея». Вот ее Императорская Гвардия.

Офицерское Собрание. Как страшно идти рапортовать Полковнику Михайличенко¹⁷, командиру Запасного Батальона. Так и кажется, что обязательно ошибешься.

Ведь в это время на Тебя направлены все глаза, все критикуют, все разбирают, достоин ли Ты быть принятым в родной полк, в рядах которого отцы, деды и прадеды служили и умирали за Славу Государя, за честь и величие России, на полях Бородинских, под Парижем, на Балканах, под Тарнавкой и под Краковом.

Весть об убийстве Распутина

Возвращаюсь в Петергоф. В казармах Школы гремит ура. В чем дело? Мне объясняют: «Распутин убит». Всеобщее ликование. Праздник.

---

¹⁵ Здесь и далее курсивом выделены авторские вставки в машинопись от руки.

¹⁶ Казармы лейб-гвардии Московского полка располагались на Большом Сампсониевском пр. № 63; в настоящее время в них размещаются казармы, учебные кафедры и службы Военного института физической культуры.

¹⁷ Алексей Яковлевич Михайличенко (1867–1924) – полковник. Выпускник Константиновского военного училища. Командир Запасного батальона Лейб-Гвардии Московского полка. Участник Первой мировой войны. Участник Белого движения в составе Вооруженных Сил Юга России под командованием А. Н. Деникина. С 1920 в эмиграции. Жил в Льеже (Бельгия).

Политика среди юнкеров Школы

В нашем взводе есть юнкер, отец которого член Государственной думы. Он привозит из Петрограда литографированные речи Милюкова¹⁸, Чхеидзе¹⁹, Керенского и других депутатов, речи, не напечатанные в газетах.

Юнкера, в тайне от начальства, увлекаются политикой, набрасываются на запрещенные листки, жадно читают их и, с азартом, обсуждают происходящие события. Все уверены, что будет лучше, если что-то переменится. И мир будет, и победа, и расцвет на свободе России и Русского народа. Всё кажется таким нужным, простым и понятным. И как захватывают речи народных представителей – вот люди, вот наше спасение, вот те, которые поведут нас на пути мира, культуры и свободы.

Таково настроение юнкеров нашей Школы. Начальство же обо всем этом не имеет ни малейшего понятия. Что бы подумало оно, если бы узнало, что вот эти юнкера-политики, идя присягать Государю Императору, сговорились между собой, что во время присяги, поднимая руку – складывать пальцы в виде... «кукиша»...

И эти поклонники и ученики Керенского, Чхеидзе, Милюкова и других «избранников народа» непринужденно показывали «кукиш» во время присяги Государю, кощунствуя, оскорбляя штандарт Лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка и с энтузиазмом совершали подобную гнусность.

Творцы европейско-демократической доктрины могут гордиться своими учениками.

Но этот энтузиазм на меня не передается. Иногда мне бывает даже жутко, – уж слишком грандиозны эти настроения и как-то страшно намерение, очертя голову, прыгать в неизвестность.

Конечно война никому больше не нужна, всем только в тягость, да и веры в победу мало. Главное – никто не знает, как снабжен теперь фронт, есть ли в достаточном количестве снаряды, пулеметы, ружья.

Вся эта обреченность и неизвестность ощущается сама собой, воздух этим насыщен, но... раз уж заварили кашу, надо тянуть ляжку до конца. А потом можно и разговаривать, и читать всякие запрещенные речи. А теперь эти речи и эти настроения могут быть на руку только немцам: не в присутствии же внешнего врага разваливать свое собственное Государство!

Я не смог прочитать до конца ни одной речи: не интересно. Товарищи мои по взводу, должно быть, заметили мое равнодушие. Я думаю, что они считают меня мало развитым человеком. Кроме того, я имею и другой крупный недостаток: я – портупей-юнкер, да еще вдобавок исполняющий обязанности взводного, они мне подчинены. Это я назначаю наряды, по вечерам делаю поверку и заставляю петь молитвы и гимн.

Начальство ничего не знает о подобном настроении юнкеров. Не мне же доносить курсовому офицеру – я не шпион и не доносчик.

Главное, что и в помине нет какой-либо контрпропаганды Правительства. Инициатива в руках сторонников разрушения. Разве юнкерам сообщили хоть раз устным или печатным способом, лекцией или докладом, о ходе военных действий, о наладившемся снабжении армии вооружением, снарядами, патронами и всем необходимым? Ни разу. Мы предоставлены психологии побежденных (помним только наши поражения), рутине и риску попасть в сети революционеров, которые, не в пример Правительству, ведут бешеную пропаганду. Нами никто

---

¹⁸ Павел Николаевич Милюков (1859–1943) – политический деятель, историк и публицист. Лидер конституционно-демократической партии. В 1917 министр иностранных дел Временного правительства. С 1918 в эмиграции во Франции. Редактировал газету «Последние новости» и журнал «Русские записки».

¹⁹ Николай Семенович Чхеидзе (1864–1926) – политический деятель, меньшевик. После Октябрьского переворота уехал в Грузию, а затем эмигрировал во Францию. Был главой грузинского правительства в изгнании.

не руководит и никто нас не воспитывает, как граждан и будущих офицеров. Если профессиональные революционеры ведут в офицерской среде и в солдатской массе искусную агитацию, то и мы должны бы быть обучаемы и политике, и контрпропаганде, чтобы суметь предохранить от разложения и себя, и солдат.

Мы же в этом отношении или уже обреволюционировались, или же полные профаны, то есть безоружны перед натиском разлагателей.

О дворянстве

Вечер. В дортуаре в 9 часов тушатся огни. Я лежу на моей койке около стены, отдельно от других. Я исполняю обязанности взводного портупей-юнкера. Несмотря на потушенный свет, всё разговаривают, перекликаются, раздаётся сдержанный смех. Все дружно вдруг смеются удачно рассказанному анекдоту. Идет возня. Выдаются подушками. Молодость берет свое: забывается все – ужасающая война, казармы, политика, неприятности, неизвестность. Все резвятся как дети, смеются до слез, всякий старается сказать что-нибудь исключительно остроумное.

Все довольны и беспечны в этот момент. Все себя чувствуют одной родной семьей, школьниками, мальчишками, шалунами. Но шум делается настолько сильным, что дежурный офицер сможет его услышать. Прощай тогда мой воскресный отпуск, поездка домой в Петроград, в родительский дом. Я призываю к тишине разошедшихся юнкеров. Вдруг раздаётся: «ш...шш», и в водворившейся внезапно тишине голос: «Не мешайте, тише. Дворянин спать хочет».

Эта глупая выходка вызывает бурю восторга, хихиканья и с трудом сдерживаемого смеха. Но уже злого смеха.

Одна ловко сказанная фраза прервала беспечное веселье и мигом вернула всех к действительности: посылались насмешки и колкости на мой счет.

По существу, все мы остались студентами, а потому исполнение должности старшего портупей-юнкера на взводе было очень трудным, и при любви студентов к независимости, создавало подчас положение портупей-юнкера очень деликатным.

Но всё было мирно до моего выхода в Гвардию. А вот получил я вакансию, и мои товарищи по взводу стали надо мной издеваться.

Они такие же студенты, какия, одинакового со мной образования, моя же принадлежность к дворянскому сословию дает мне преимущество выйти в Гвардию.

Дворянство потеряло преимущество быть культурным и обеспеченным классом в Государстве. Мне кажется, что в наш век общедоступности образования, дворянство только разъединяет нацию, давая неизвестно почему привилегии и преимущества одних граждан над другими.

А потому я и подвергаюсь насмешкам моих однокашников – юнкеров – студентов не дворян.

А ведь они тоже должны будут проливать свою кровь за Веру, Царя и Отечество.

Посещение школы генералом Лазаревичем

Сидим мы в столовой и завтракаем, аппетит волчий – только что вернулись со строевых занятий на морозе. Говорят, приехал посетить Школу Начальник всех Школ Прапорщиков Петроградского Военного Округа Генерал Лазаревич²⁰.

---

²⁰ Юрий Сергеевич Лазаревич (1863–1922) – военачальник. Генерал-майор. Выпускник Константиновского военного училища. Автор публикаций о французской, германской и австрийских армиях. В 1916–1917 заведующий школами ускоренной

– «Встать, смирно!»

Входит в столовую старенький Генерал. Поздоровался. Мы ответили.

– «Есть ли какие-нибудь претензии?» – говорит Генерал. Молчание. Вдруг голос.

– «Так точно, Ваше Превосходительство». Все замерли. Генерал подходит к говорившему.

– «Ну в чем дело, мой друг?»

– «А вот Ваше Превосходительство, таракан в супе» – говорит юнкер, показывая тарелку.

Генерал не спеша одевает на нос пенсне, нагибается к тарелке, находит злополучное насекомое, вынимает его ложкой из супа и самым добродушным голосом:

– «А вот его больше и нет».

Атмосфера разрядилась. Все были довольны. Генерал пошел дальше.

Производство

Тогда нас с «прапором» поздравят,
Погон со звездочкой дадут,
И в снаряжение нарядят
«Остаток денег» отдадут...
Пройдут минуты наслаждения,
Не будет денег ни гроша,
Тогда поедем в батальоны,
Не зная ровно ни шиша.

30 ЯНВАРЯ 1917 ГОДА. Наступило утро дня производства. Одеты все уже в форму пехотных Прапорщиков. Укладываются чемоданы, записываются адреса, подсчитываются деньги. У некоторых их совсем мало – проиграны в карты: игра шла «в счет производства». Сначала играли на наличные, потом проиграли бинокли, часы, а потом и деньги, выдаваемые при производстве.

Но заметна всеобщая веселость, все рады надеть форму русского офицера, ехать домой в кратковременный отпуск и разлететься затем по всей России по запасным батальонам.

Приказано строиться. Одеваются юнкерские шинели поверх офицерских гимнастерок. Курсовые офицеры улыбаются. Выстраивают нас на небольшом плацу. Настроение приподнятое и радостное. Ждем. Наконец приезжает Генерал Лазаревич.

– «Смирно, господа офицеры!», – командует Начальник Школы Полковник Барон де Пеленберг²¹.

Торжественная минута.

– «Поздравляю с Монаршей милостью», – говорит престарелый Генерал. – «Вы производите в офицеры. Нашему обожаемому Государю-Императору ура!»

Дружное ура несется ему в ответ. Генерал уезжает. Мы продолжаем стоять в строю и не знаем, что делать дальше. К нам подходит наш курсовой офицер Поручик Платицын²²:

– «Поздравляю, господа» – говорит он и улыбается лукаво – «разрешите отвести вас в казармы?»

подготовки офицеров пехоты и школой прапорщиков в Петергофе. Участник Белого движения в составе Вооруженных Сил Юга России под командованием А. Н. Деникина. С 1920-х служил в Красной армии.

²¹ Владимир Константинович де Пеленберг, барон (1870 —?) – военачальник. Выпускник 1-го военного Павловского училища. Участник русско-японской и Первой мировой войн. Начальник Петергофской школы подготовки прапорщиков.

²² Виктор Игнатьевич Платицын (? —?) – кадровый военный русской армии. Выпускник Алексеевского военного училища. Подпоручик 24 стрелкового полка 6-й Сибирской стрелковой дивизии. Преподавал в 3-й Петергофской школе прапорщиков.

Мы просим. Он командует:

– «Господа офицеры. Напра-во, ряды вздвой, равнение налево шагом-марш». Все довольны и смеются.

Вот я и офицер в 19 лет.

Каждый из нас надел высочайше утвержденный школьный нагрудный знак: университетский значок, со скрещенными мечами и с крыльями Императорских орлов. Мы – так называемый «студенческий выпуск».

Леонид Кутуков, портупей-юнкер Третьей Петергофской Школы прапорщиков. Январь 1917 г.

Запасный батальон Лейб-гвардии Московского полка

После производства я возвратился в Петроград, в дом моих родителей. 3 февраля должен явиться к месту службы в Запасный батальон Лейб-гвардии Московского полка.

В Запасном Батальоне Лейб-гвардии Московского полка офицеры разделяются на две категории: Кадровые офицеры, производства еще мирного времени, эвакуированные с фронта вследствие ранений и увечий и, во-вторых, молодые офицеры, отправляемые по мере надобности в действующий полк. Это мы – Прапорщики.

Нас распределили по ротам Учебной Команды для прохождения службы и усовершенствования в военных знаниях.

Ранней весной мы поедem на фронт, чтобы принять участие в большом наступлении, которое должно решить исход войны.

Дисциплина в батальоне железная. Начальник действительно является начальником, всякое приказание исполняется с места, моментально, точно, беспрекословно. Авторитет и звание офицера стоят на недостижимой высоте. Всякое приказание офицера – закон. Грандиозная машина в 6000 штыков управляется кадровыми офицерами с математической точностью. Их работа происходит в сознании высокого и ответственного долга перед Родиной и с любовью к родному полку. Чувствуется, что Полк не является простым сборищем людей, а что это дружная семья, имеющая свои особые правила, свои вековые традиции, семья, не терпящая в своей среде уroda; где все за одного и один за всех; где каждый сам за себя отвечает, перед самим собой и перед всеми. Семья, ответственная за свои поступки перед всей Российской Армией. Велики обязанности каждого члена Полка; но и велика честь служить в Императорской Гвардии...

Все это поражает и покоряет вновь прибывших молодых офицеров и постепенно вливает в общую офицерскую семью; заставляет чувствовать себя сыном своего Отечества и исполнять свой долг перед Родиной в рядах родного полка.

* * *

Необходимые примечания²³

Несколько слов семейной хроники

Мой дед Николай Алексеевич родился в Рязанской губернии. Женившись на дочери помещика Пензенской губернии, кн. Мансыревой, Марии Павловне, он приписался к пензенскому дворянству. Мой отец, Николай Николаевич, родился в Пензенской губернии. Служил в канцелярии Предводителя дворянства Городищенского уезда. Когда ему еще не было двадцати лет, его родители разорились. Он приехал в Петербург и, не имея никаких связей, поступил конторщиком на Варшавский вокзал.

Моя мать, Екатерина Васильевна, родилась в Борисоглебских Слободах Ростовского уезда Ярославской губернии. Ее отец был крестьянином, деревенским слесарем и токарем. Мне неизвестно, при каких обстоятельствах его старшая дочь, Лариса Васильевна, была отдана в Коломенскую гимназию в Санкт-Петербурге. Окончив ее с золотой медалью, она поступила

---

²³ «Необходимые примечания» (до слов «...когда-то в Императорской Гвардии!!!») напечатаны на другой машинке и вклеены в этом месте в тетрадь «Записок».

в Женский Педагогический Институт. Она устроила в Коломенскую гимназию свою младшую сестру (мою мать). Обе они были образованными женщинами, прекрасно владевшими французским языком, а также и немецким. После окончания гимназии Екатерина Васильевна поступила на службу на Варшавский вокзал, где и познакомилась с моим отцом.

Их брак не захотел признать мой дед Николай Алексеевич, потому что его сын, столбовой дворянин, женился на дочери бывшего крепостного. Отец мой поступил на службу в Страховое Общество «Россия». Лишь через три года после моего рождения мои родители повезли меня к дедушке в Хвалынский, где и состоялось семейное примирение.

Можно легко себе представить, что меня не воспитывали в сословных, дворянских традициях, а скорее в либеральном духе интеллигенции начала двадцатого столетия. Никаких связей с дворянскими кругами в Петербурге у нас не было, и я не был приписан ни к рязанскому, ни к пензенскому, ни к петербургскому дворянствам. О дворянстве у нас в доме никогда не говорилось. Это была семья русских интеллигентов. Но я знал, разумеется, о принадлежности нашей фамилии к столбовому дворянству. В школе прапорщиков на вопрос ротного командира, я и заявил о моей принадлежности к дворянству, что давало мне возможность выйти в Запасный Батальон Лейб-гвардии Московского полка в Петрограде или в Запасный Батальон Стрелков Императорской Фамилии в Царском Селе. Я выбрал Московский полк, так как он был в Петрограде, где жили мои родители. О том же, что стрелки Императорской Фамилии были гораздо «лучше и шикарнее» москвичей, я узнал лишь впоследствии.

Сословный тупик

В Запасный Батальон Лейб-гвардии Московского полка 1 февраля 1917 года были выпущены прапорщики трех категорий:

1) Прапорщик Георгиевский, сын нашего полкового врача, из Пажеского Его Величества Корпуса с правом ношения формы полка.

2) Прапорщики с производством в армейскую пехоту «с прикомандированием к полку для испытания по службе с правом перевода в полк впоследствии», то есть зачисления в Гвардию на военное и на мирное время с правом ношения формы полка.

3) Прапорщики с производством в армейскую пехоту с прикомандированием к полку на военное время. После окончания войны следовало переводиться в Армию.

Таким образом получалось три категории офицеров, долженствующих умирать «За Веру, Царя и Отечество»:

1) Из Пажеского Корпуса – «свой в доску».

2) Отвечающие всем сословным дворянским требованиям.

3) Терпимые лишь на время войны.

Николай Алексеевич и Екатерина Васильевна Кутуковы с сыном. Петроград, 2 февраля 1917 г.

Дело в том, что офицеров дворян неоткуда было достать – их просто не было в достаточном количестве: приходилось решать дилемму – или принять не дворян, или расформировываться! Сословная спесь помешала принять благоразумное решение, что создало совершенно недопустимое и, главным образом, вредное настроение в офицерской среде. Вскоре эта бестактность была оформлена документально. Всем вновь испеченным прапорщикам было предложено заполнить анкету с указанием о сословной принадлежности родителей, родственников, знакомых и их социального положения. Я написал о крестьянском происхождении моей матери, ее сестры, их образовательном цензе, о службе моего отца в Страховом Обществе, о службе Ларисы Васильевны городской учительницей, и о наших знакомствах из интеллигенции. В скором времени, из приказа по Запасному Батальону я узнал, что по постановлению собрания господ офицеров Действующего полка я был зачислен в полк лишь на военное время, несмотря на столбовое дворянство моего отца!

Можно себе представить, с каким чувством я прочитал этот приказ... (И можно лишь удивляться, конечно, что я и по сей день, январь 1953 года, состою в Объединении Лейб-гвардии Московского полка! Забыв обиду, я через полк почитаю славное, прошлое России).

Но этим сословный тупик еще не закончился. Сама жизнь тотчас же показала, до какого абсурда можно прийти, когда нет реального подхода к ее требованиям. Когда все прапорщики вышли в Запасной Батальон, то им было предписано, согласно правилам Офицерского Собрания, сделать визиты господам офицерам полка. По этим правилам визиты не полагались ни военным врачам (людям с высшим образованием!), ни военным чиновникам, ни духовенству. И вот получилась курьезная картина: полковому врачу, потомственному дворянину, отцу прапорщика Георгиевского, вышедшего прямо в полк из Пажеского корпуса, прапорщики не дворяне, полудворяне, или признанные неподходящими по социальному положению, были обя-

заны не делать визитов! Вот пример, в какие дебри зашел сословный строй Императорской России...²⁴

Во время войны 1939–1945 годов мне пришлось встретиться в Париже с офицерами Армии генерала Власова²⁵ (бывшими красными офицерами), а после окончания войны с новыми эмигрантами, бывшими «власовцами» и т. д. Большинство из них отнеслось ко мне с большим недоверием из-за... моего дворянского происхождения и моей службы когда-то в Императорской Гвардии!!!

* * *

Назначение в команду «второразрядников»

Меня назначили в команду «второразрядников», входящую в состав Учебной Команды. «Второразрядники» – это солдаты с 4-х классовым образованием. Ими комплектовались Ораниенбаумские Школы Прапорщиков II разряда, для производства офицеров на время войны.

Расписание занятий не совсем обычное: диктовки, подробное описание винтовки, арифметика, офицерские шашечные приемы и т. д. У каждого солдата имеется тетрадка, куда я ставлю отметки об успехах по пятибалльной системе.

Это была сборная команда людей разных возрастов и социальных положений, и были тут и народные учителя, и вахмистры, неизвестно как сюда попавшие, приказчики, конторские служащие, недоучки и т. д. Это всё люди, читающие газеты, рассуждающие, разбирающиеся как во внутренней политике, так и в международных отношениях.

По всей вероятности, они обмениваются ежедневно своими мнениями, обсуждают между собой текущие политические моменты, критикуют действия Правительства и безусловно имеют политические связи и вне казарм.

Я, конечно, не могу утверждать категорически, но мне кажется, что уже самое наличие их полуинтеллигентности, их к этому обязывает. Пока я еще не имею никаких доказательств. Но я твердо знаю, что Армия находится вне политики.

О начальнике Учебной Команды и белых шпицах

Сегодня я запоздал к завтраку, задержался в Команде. Вхожу в столовую и вижу, что только за одним столиком сидят один Капитан и два Штабс – Капитана. Я подхожу к Капитану X и говорю:

– «Господин Капитан, разрешите сесть».

– «Спросите разрешение у Штабс-Капитана Y, он меня старше».

Я обращаюсь к Штабс-Капитану Y.

– «Господин Капитан, разрешите сесть».

– «Вы не ко мне должны обратиться, прапорщик, а к Штабс-Капитану C, не правда ли Петя, ведь Ты меня старше».

– «То есть почему же это я Тебя старше? Ведь Ты же забыл» и т. д.

---

²⁴ См. стр. 71. – Прим. автора. На этой странице машинописных «Записок» рассказан эпизод, начинающийся словами: «Я очень люблю завтракать в Собрании»; см. стр. 104 настоящего издания.

²⁵ Андрей Андреевич Власов (1901–1946) – военачальник, политический деятель. Во время Второй мировой войны командующий 2-й ударной армией, после разгрома которой был захвачен в плен, согласился на сотрудничество с Германией. Руководитель Русской освободительной армии, Русского освободительного движения. Председатель президиума Комитета освобождения народов России. В 1945 был пленен советскими войсками, осужден по обвинению в государственной измене и казнен.

Разговор продолжается. Я стоял и терпеливо ждал, пока выяснится, кто же старший. Наконец я получил разрешение от «Пети», то есть от Штабс-Капитана С сесть. Так мне и надо «молодому», чтобы я привыкал к службе.

Начальник Учебной Команды Капитан Дуброва – гроза солдат и своих младших офицеров. Я его еще мало знаю, но уже вижу, что с ним нельзя шутки шутить. Кроме службы и дисциплины, он ничего не признает. Но я не думаю, чтобы было еще много в Русской Армии таких образцовых Учебных Команд.

Капитан Дуброва живет в офицерском флигеле, что выходит на полковой плац. Каждое утро в 8 часов все роты Учебной Команды выстаиваются перед флигелем. Всё готово. Старший офицер и все офицеры и солдаты смотрят на дверь, из которой должен появиться Начальник Команды. Вот дверь приоткрывается и показывается... белый пушистый шпиц – собака Капитана Дубровы.

– «Равняйсь!»

Опять открывается дверь.

– «Смирно, господа офицеры».

Начальник Команды находит свои роты в образцовом порядке. Спасибо милому шпицу, что показывает приближение грозы.

Сегодня во время завтрака играл полковой оркестр балалаечников.

Вопрос солдат о Распутине

Сегодня опять занимался в помещении с командой «второразрядников». Мои подчиненные знают, конечно, что до военной службы я был студентом, видят мои 19 лет и чувствуют, наверное, что я еще не опытен в моем новом звании, что еще не освоился с моим положением и не привык окончательно чувствовать себя начальником.

Обстановка весьма мирная: солдаты пишут диктовку. В соседнем помещении репетирует «Руслана и Людмилу» духовой оркестр и всё время отвлекает мое внимание. Диктовка кончена.

Когда я занимаюсь «в помещении» с второразрядниками, то всегда выставляю в конце коридора дневального – «на всякий случай», чтобы он кричал «смирно», при появлении «грозы», то есть Капитана Дубровы – так-то спокойнее и впросак не попадешь.

Вдруг один из моих учеников встает:

– «Ваше Высокоблагородие, разрешите спросить?»

– «В чем дело?», – говорю я.

– «Так что мы бы просили Ваше Высокоблагородие сообщить нам, что Вы думаете о Распутине».

Солдат застыл. Он сам испугался своих слов. В помещении была мертвая тишина. Все лица напряглись в ожидании моего ответа. А я подумал: «проба» на студента. Но что мог я им ответить? Ничего утешительного я бы им сказать не мог. Двадцатый век, век науки и техники и, вдруг, в судьбы Империи вмешивается безграмотный «старец». Мне было даже неловко как то, как будто и я в чем-то виноват. Кроме того, я не хотел вступать с ними в «политический» разговор.

– «Если я еще раз услышу подобный вопрос, то я немедленно доложу Начальнику Учебной Команды Капитану Дуброве, и он всё вам разъяснит».

Я встал и вышел.

– «Встать, смирно», – неслось мне вслед.

Твердо знаю я, что не имею права вступить в политический разговор. Но даже при всем моем желании я не смог этого сделать, так как о политике, о партиях, о социализме и т. п. я сам не имею ни малейшего понятия. Что, если бы среди моих «второразрядников» нашелся

бы специалист по политическим вопросам (например, народный учитель)? В самом начале разговора с ним я просто-напросто сбился бы с толка, и конфуз вышел бы великий.

Об аресте смутьяна

Еду по Литейному в трамвае в сторону Невского. Народа мало. Стою на площадке. На одной из остановок влезает какой-то тип, по-видимому из мастеровых и начинает ругать всё и вся – «вот воину затеяли баре, народ на фронте убивают безоружный, одно предательство кругом, офицерам на потеху кровь надо свою лить»... Вижу: на меня публика смотрит с любопытством. На углу Литейного и Симеоновской улицы я приказал кондуктору остановить вагон, подозвал городского, дал ему мою визитную карточку и приказал отвести крикуна в участок...

Занятия Капитана Нелидова с прапорщиками

Капитан Нелидов занимался сегодня с нами, молодыми Прапорщиками, уставами и знакомил нас с историей Полка.

В 1811 году второй батальон Лейб-гвардии Преображенского полка по повелению Государя АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА был развернут в наш полк, что дало нам преемственность от славных Петровских потешных.

И уже в 1812, году, вновь сформированный Лейб-гвардии Литовский полк получил свое первое боевое крещение на Бородинском поле. Построенный в каре, полк отразил все атаки кавалерии Принца Мюрата²⁶, Короля Неаполитанского, а затем и Наполеоновской пехоты.

За свой первый бой полк получил Георгиевские знамена и был переименован в Московский за защиту Первопрестольной.

Взятие Парижа в 1814 году. Участие полка в покорении Кавказа, в Венгерском походе и в славных боях Освободительной войны.

* * *

«Пятьдесят шагов назад»²⁷

*Скажи-ка, дядя,
Ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?*

Наполеон приказал во что бы то ни стало обойти левый фланг бородинской диспозиции русских войск, чтобы, выйдя нам в тыл, одержать решительную победу. Для достижения этой цели он бросил в бой три дивизии корпуса Даву²⁸, корпус Нея²⁹ и корпус Жюно³⁰. Для подкреп-

---

²⁶ Иоахим Мюрат (Joachim Murat; 1767–1815) – французский военачальник, наполеоновский маршал. Принц французов (1805). Король Неаполитанского королевства (1808–1818).

²⁷ Данная статья из журнала «Часовой» приложена в этом месте «Записок».

²⁸ Луи-Николя Даву, князь (Louis Nicolas Davout; 1770–1823) – французский полководец. Герцог Ауэрштедский, князь Экмюльский. Маршал Наполеоновской армии, не проигравший ни одного сражения.

²⁹ Мишель Ней (Michel Ney; 1769–1815) – французский полководец. Маршал Наполеоновской армии. Герцог Эльхинген, князь Москворецкий.

³⁰ Жан – Андош Жюно, герцог (Jean-Andoche Junot; 1771–1815) – французский полководец. Герцог Абрантес. Генерал. От Наполеона получил прозвище «Жюно – Буря». Участник войны 1812 г. с Россией. Генерал-губернатор Иллирийских про-

ления их был назначен Мюрат с кавалерийскими корпусами Нансути³¹, Монбрена³² и Латур-Мобура³³. Корпус польских войск под начальством Понятовского³⁴ был послан в обход нашего левого фланга.

К 11 с половиной часам утра, пользуясь подавляющим превосходством сил и замешательством, произведенным в среде русских войск смертельной раной главнокомандующего 2-ой армией генерала князя Багратиона, неприятель старался по мере возможности использовать свой успех на нашем левом фланге.

Бой достигал своего апогея. В этот решительный момент часть полков нашей Гвардии начала прибывать на поле сражения, чтобы сдержать зарвавшегося неприятеля. «Чудное и ужасное зрелище представляло тогда поле битвы», – записывает участник событий³⁵, – «Над левым крылом нашей армии висело густое, черное облако от дыма, смешавшегося с парами крови; оно совершенно затмило дневной свет; солнце покрылось кровавою пеленою; перед центром пылало Бородино, облитое огнем, а правый фланг был ярко освещен лучами солнца. В одно и то же время взорам представлялись день, вечер и ночь». В такой обстановке подходящие колонны Гвардии строились в каре, тотчас же взятые под ураганный огонь французской артиллерии. Прибывая, они могли видеть то необычайное ожесточение, которое царило вокруг них на поле сражения. Очевидцы этой «битвы гигантов», как называл ее Наполеон, рассказывали, что многие из сражавшихся побросали свое оружие, сцеплялись друг с другом, раздирали друг другу рты, душили один другого в тесных объятиях и вместе падали мертвыми. Артиллерия скакала по трупам, как по бревенчатой мостовой, втискивая трупы в землю, упитанную кровью. Многие батальоны так перемешались между собой, что в общей свалке нельзя было отличить неприятеля от своих. Изувеченные люди и лошади лежали группами; раненые брели к перевязочным пунктам, куда могли, а выбившись из сил падали, но не на землю, а на трупы павших раньше. Чугун и железо отказывались служить мщению людей; раскаленные пушки не могли выдерживать действия пороха и лопались с треском, поражая заряжавших их артиллеристов; ядра, с визгом ударяясь об землю, выбрасывали вверх кусты и взрывали поля, как плугом; пороховые ящики взлетали на воздух. Крики командиров и вопли отчаяния на 10 разных языках заглушались пальбой и барабанным боем. Более, нежели из 1000 пушек, с обеих сторон сверкало пламя и гремел оглушительный гром, от которого дрожала земля на несколько верст. Батарей и укрепления переходили из рук в руки.

По выстроившимся гвардейским каре французы открыли губительный огонь из 400 пушек с расстояния не больше 500–600 шагов. «Самое пылкое воображение не в состоянии представить сокрушительного действия происходившей здесь канонады», – пишет один из участников сражения. – «Гранаты лопались в воздухе и на земле; ядра гудели, сыпались со всех сторон, бороздили землю рикошетами, ломали в щепы и вдребезги всё, что встречали на своем полете. Выстрелы были так часты, что не оставалось промежутка между ударами; они продолжались непрерывно, подобно неумолкаемому гromу»³⁶.

винций.

³¹ Этьен-Мари-Антуан Шампюан де Нансути, граф (1768–1815) – французский полководец. Дивизионный генерал. Командующий кавалерией Императорской армии. Почетный капитан-лейтенант 1-й роты мушкетеров короля.

³² Луи-Пьер Монбрен, граф (Louis-Pierre de Montbrun; 1770–1812) – французский полководец. Дивизионный генерал. Убит в Бородинском сражении.

³³ Мари-Виктор-Николя Лаптур-Мобур де Фэ, маркиз (Marie Victor Nicolas Latour-Mauburg de Fay; 1768–1850) – французский военачальник. Дивизионный генерал. Участник наполеоновских войн.

³⁴ Юзеф-Антоний Понятовский, князь (Jozef Antoni Poniatowski; 1763–1813) – польский и французский военачальник. Главнокомандующий польской армией. Маршал Франции.

³⁵ Здесь и ниже – цитируется сборник «История Лейб-гвардии Московского полка», составленный капитаном Н. С. Пестриковым (Т. 1, СПб., 1903).

³⁶ Цит. по: Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1843.

Гвардейские каре несли огромные потери, смыкая редяющие ряды. Тогда было отдано приказание отойти на 50 шагов назад, где действие неприятельского огня было сравнительно слабее. Всё лишь 50 шагов назад! Пятьдесят! – «Да, были люди в наше время, не то что нынешнее племя!»

Вдруг смолкает огонь французских пушек и тотчас же массы неприятельской конницы по приказу Наполеона устремляются в стремительную атаку на русские гвардейские каре. Земля дрогнула под несколькими тысячами всадников, устремившихся на ошестинившиеся штыками русские каре. Командир второго батальона нашего, впоследствии Лейб-Гвардии Московского полка, при приближении лавины закованных в латы французских кирасир маршала Мюрата, короля Неаполитанского, приказывает взять «на руку», строго запрещая стрелять без своего приказания. При приближении кавалерии к самому каре он приказывает делать ружьям движения в стороны, зная по собственному опыту, что лошади не пойдут на колышущиеся блестящие штыки, тех же лошадей, которых кирасиры всё же заставят приблизиться к фронту, колоть в морду. «Это распоряжение имело самые успешные последствия», – записывает позднее доблестный командир этого батальона – каре, – «Кирасиры, окружив каре всех сторон и, не видя возможности нас расстроить, начали по сигналу, на рысях, формировать колонну шагах в 30 перед передним фасом каре, с явным намерением ударить массой оной. Чтобы не допустить до исполнения сего намерения, я воспользовался замешательством начавшегося построения, когда каждый всадник искал своего места, скомандовал "ура", и батальон бросился в штыки. Передние ряды кирасир, отыскивая свои места и не имея через то прочного фронта, будучи поражаемы штыками, не устояли, но удерживаемые задними взводами, не могли избежать большого поражения и только после отчаянного их крика вся кавалерийская колонна обратилась в бегство. Батальон еще некоторое время гнался за кирасирами, когда же они отдалились, произвел по бегущим пальбу, чем и довершено поражение».

Грозные кирасиры, «Hommes de fer»³⁷, как их называл Наполеон, поддержанные легкой кавалерийской дивизией Брюйера³⁸, еще два раза атаковали гвардейские каре и оба раза были отбиты. Эти атаки, в продолжении которых французская кавалерия прекращала стрельбу, были как бы отдыхом для наших гвардейцев, устлавших поле неприятельскими трупами и не терпевших ни малейшего урона от налетов конницы. – «С тех пор», – записывает один из участников боя, – «кавалерия Мюрата не осмеливалась уже больше беспокоить колонн наших и только издали смотрела на место своего пора жения».

Когда, потерпевшая большой урон, неприятельская кавалерия очистила поле сражения, то ей на смену были двинуты Наполеоном массы пехоты с артиллерией. Наше командование отдало приказание немедленно атаковать показавшегося неприятеля. Первая атака была неудачна; укрепления переходили из рук в руки: то их брали наши солдаты, то их отбивали назад французские егеря... Когда же командир первого батальона нашего полка лично повел его в атаку, приняв командование полком вследствие тяжелого ранения командира полка, имея в резерве 2-ой и 3-й батальоны, от которых, впрочем, остались только небольшие кучки, то французы не выдержали и начали отступать. Командующий полком получил две раны, сначала пулю в локоть, а потом в живот. Изнемогая от ран, этот герой еще долго не оставлял строя и, будучи поддерживаем двумя гренадерами, продолжал отдавать приказания и одобрять солдат. Раны были смертельными и на другой день он скончался...

На этой позиции, облитой кровью наших солдат и офицеров, остатки полка продержались до конца битвы. Деление на роты и батальоны уже не имело смысла, потому что от некоторых

---

³⁷ Железные люди (фр.).

³⁸ Жан Пьер Жозеф Брюйер, барон (Jean Pierre Joseph Bruguiere; 1772–1813) – французский военачальник. Дивизионный генерал. Участник революционных и наполеоновских войн.

рот осталось только несколько человек: это была небольшая группа людей одного полка, людей измученных ожесточенным 13-часовым боем...

Наполеон не обошел левый фланг русской бородинской позиции...

За этот славный Бородинский бой, данный на подступах к Москве, наш полк получил наименование Лейб-Гвардии Московского, заслужив Георгиевские знамена за защиту Первопрестольной. Знаменателен и полковой знак полка: на Андреевском кресте Гвардии – герб города Москвы, Святой Георгий Победоносец, поражающий змея – неприятелей земли русской...³⁹

* * *

В начале Великой Войны, под деревней Тарнавкой, полк очутился в виду артиллерийской позиции неприятеля. Был конец августа, славные дни Бородина. Командир полка Полковник Гальфтер⁴⁰ решил взять приступом неприятельские позиции.

Четыре версты шли цепи под страшным огнем... Коротким штыковым ударом полк ворвался в расположение неприятеля. Офицеры шашками рубили артиллерийскую прислугу, солдаты прикалывали прикованных к пулеметам германских пулеметчиков. Было захвачено 42 орудия. Из них 17 тяжелых, то есть вся артиллерия Германского корпуса Войрша⁴¹.

Но вскоре неприятель перешел в контрнаступление. Германская Гвардия атаковала кольцевой окоп, в котором окопался наш полк, имея в середине своего расположения захваченную артиллерию, два дня шел бой, пока не подошли наши главные силы. Оставшиеся в живых Московцы запели «Боже, Царя Храни». Полк отстоял свои трофеи – 42 орудия. За эти бои выбыло из строя убитыми и ранеными 70 офицеров и свыше 2500 нижних чинов. Так полк показал себя достойным своих бородинских предков.

Затем шли тяжелые бои под Ивангородом, Ломжею, Вильною, Луцком и Тарнополем. Сейчас действующий полк стоит под Ковелем⁴².

---

³⁹ «Часовой» (Брюссель), сент. 1962, № 436. С. 6.

⁴⁰ Виктор Петрович Гальфтер (1868–1951) – военачальник, генерал – лейтенант. Участник русско-японской и Первой мировой войн. Командир Лейб-Гвардии Московского полка. Участник Белого движения. Командир Северной, а позднее Западной добровольческой армии. После окончания Гражданской войны эмигрировал в Великобританию. Жил в Лондоне, был председателем Объединения лейб-гвардии Московского полка, Союза бывших российских военнослужащих в Англии и Союза Русских военных инвалидов в Великобритании. Автор сохранил с ним отношения в эмиграции – в «Записки» вклеен оригинал следующего письма от 28 сентября 1937 г.: «Дорогой Леонид Николаевич! Спасибо Тебе за чудные фотографии. Все еще нахожусь под впечатлением пережитого, сердечного радушного приема всех дорогих родных Московцев и милого Твоего дома. Поцелуй ручку Софье Сергеевне [супруга Л. Кутукова] и передай мой искренний привет. Крепко жму твою руку Искренне расположенный к тебе В. П. Гальфтер»

⁴¹ Мартин Вильгельм Ремус фон Войрш (Martin Wilhelm Remus von Woysch; 1847–1920) – германский военачальник. Генерал-фельдмаршал. Во время Первой мировой войны командир корпуса, затем армейской группы «Войрш».

⁴² Бой под Тарнавкой подробно изложен автором в очерке «Стопятидесятилетие лейб-гвардии Московского полка»; см. с. 185–187 настоящего издания.

Генерал Виктор Петрович Гальфтер. Портрет списан с фотографии А. Земелем

* * *

В гвардейском объединении⁴³

Февральский доклад профессора полковника А. А. Зайцова⁴⁴ посвящен был сражению под Люблиным в августе 1914 года.

Изнемогая от потерь, от многодневных, непрерывных боев, 4-я армия отошла к г. Люблину. В стыке между нею и соседнею 5-й армией прорвался X австрийский корпус, перерезавший железнодорожную линию Холм – Люблин. Положение становилось критическим.

К месту прорыва эшелон за эшелонам подходили полки 1-й гвардейской пехотной дивизии. Так разыгрался исторический бой под Владиславовым. По словам австрийцев, на них потрясающее впечатление произвели стремительно шедшие вперед во весь рост, равняясь словно на ученье, цепи великанов. Это шли полки гвардейской Петровской бригады: Преображенский и Семеновский.

X австрийский корпус сильно подался назад. Наступил перелом уже в нашу пользу. Противник, отходя, задержался на сильно укрепленной позиции. Попытка взять ее успеха не имела и стоила нам больших потерь. Не надеясь больше на успех, штаб фронта приказал 26 августа наступление прекратить и укрепляться на занятых позициях.

Но происшедшие в этот день боевые события заставили штаб тотчас же отменить данное распоряжение и отдать приказание о преследовании разбитого противника...

Что же произошло в течение этих нескольких часов? 26 августа лейб-гвардейский Московский полк подучил приказ наступать с вечера на Тарнавские высоты. В этот день занял их подошедший на поддержку австрийцев германский корпус генерала Войрша. Лейб-гвардии Московский полк должен был атаковать противника вечером 26 августа, т. е. в годовщину Бородинского сражения, за отличие в котором он получил, как высшую награду, свое наименование. Офицеры и солдаты полка, овеянные романтикой своей вековой боевой истории, усмотрели в этом совпадении некое предопределение судьбы...

И вот случилось нечто чудесное, чего не найти в анналах военной истории: один лишь пехотный полк, быстрым шагом подойдя к неприятельской позиции, сразу прорвал ее в нескольких местах и захватил артиллерию целого корпуса.

Целую ночь отбивались москвичи вместе с подошедшими лейб-гренадерами, в кольцевых окопах, от яростных атак германской пехоты, стремившейся отбить свои батареи.

Утром, 27 августа, лейб-гвардии Финляндский полк, при поддержке Павловского, стремительной атакой пробил широкую брешь в расположении 37-й венгерской дивизии и обошел левый фланг соседнего к югу корпуса Войрша. Противник сразу начал отход, становившийся всё стремительнее, всё беспорядочнее.

В те моменты, когда перед усталыми москвичами и лейб-гренадерами немцы очистили окопы и стали отходить, одна из рот скинула фуражки и запела «Спаси Господи». Соседи подхватили. Молитвенные звуки всё ширились, росли. После молитвы из тысячи грудей двинув-

---

⁴³ Вырезка статьи В. К. Абданк-Коссовского из газеты «Возрождение» (1 апр. 1935) вклеена в «Записки» в этом месте. Над ней сверху от руки приписка: август 1914-го.

⁴⁴ Арсений Александрович Зайцов (1889–1954) – военачальник, педагог. Окончил Пажеский корпус и Николаевское инженерное училище. Участник Первой мировой войны. Воевал в Добровольческой армии. Командовал батальоном Лейб-Гвардии Семеновского полка, затем служил в штабе армии генерала П. Н. Врангеля. Вместе с Донским корпусом эвакуировался из Крыма. Жил в Болгарии, с 1924 в Париже. Автор работ по истории военного искусства и истории Гражданской войны.

шихся вперед офицеров и солдат, среди Тарнавских перелесков и холмов, в едином порыве грянул и полился мощный русский национальный гимн...⁴⁵

* * *

Выговор при собрании офицеров

Сидим мы в Собрании и завтракаем с аппетитом, после целого утра строевых занятий. К столу прислуживают солдаты в длинных белых рубашках без погон, но с полковым знаком, в черных шароварах с красными кантами и в высоких сапогах.

Мы, прапорщики, ютимся все вместе, но уже начинаем осваиваться в непривычной обстановке.

Входит батальонный адъютант штабс-капитан Некрасов 2-й⁴⁶ и говорит:

– Господа офицеры, пожалуйста в классную комнату при оружии, командир батальона просит.

Мы все сгруппировались в комнате. Входит полковник Михайличенко.

– Господа офицеры!.. Вот что, господа, – говорит он, – я получил очень неприятное письмо от капитана 1-го ранга... Подпоручик... выйдите, пожалуйста, вперед. На днях в трамвае вы не потрудились отдать честь капитану 1-го ранга... по уставу, о чем он мне и сообщает. Вы лишь привстали со своего места и отдали честь Штаб-офицеру, полусогнувшись. Мне было очень неприятно получить такое письмо, и я делаю Вам замечание при собрании офицеров. Лейб-гвардии в Московском полку офицеры должны быть безупречны. Следующее Ваше опущение по службе я прикажу отдать в приказе. Господа, вы свободны.

Подпоручик стоял красный как рак. «Я не хотел бы быть на его месте», – подумал я.

Телефонный звонок капитана Дубровы

Целый день ездил сегодня с прапорщиком Гилевичем на его автомобиле, делать визиты однополчанам. Кое-кого заставляли, отсутствующим оставляли карточки.

Сегодня у нас дома играют в винт. Мой отец зовет меня к телефону. Подхожу. Удобно разваливаюсь в кресле и говорю:

– Я слушаю.

– Прапорщик Кутуков. С вами говорит капитан Дуброва.

– Так точно, это я, господин капитан, – говорю я, и как на пружинах вскакиваю с кресла и вытягиваюсь «смирно».

Все присутствующие весело смеются.

Служба в Запасном Батальоне

Служба моя в Запасном Батальоне приняла строго размеренный порядок. Каждое утро в 8 часов весь батальон выстраивался на плацу. Занятия до 12 часов. Затем завтрак в Собрании. С 2-х часов занятия до 6 вечера.

---

⁴⁵ Отрывок из статьи В. К. Абданк-Коссовского «В гвардейском объединении», «Возрождение», Париж, 1 апр. 1935, № 3589, с. 2.

⁴⁶ Сергей Сергеевич Некрасов (1895 —?) – военачальник. Закончил Павловское военное училище. Участник Первой мировой войны в составе Лейб-Гвардии Московского полка. Участник Белого движения. В эмиграции проживал в США.

И в Собрании надо держать ухо востро – того и гляди кто-нибудь из старших офицеров процукает. А в смысле цука⁴⁷ «молодых» они тоже «специалисты». Надо до тонкости знать правила и обычаи Офицерского Собрания.

Помещение Собрания великолепное. Огромный двухсветный зал с колоннами. Монументальная лестница. Большая столовая, библиотека, бильярдная комната, с портретами всех командиров полка и много других комнат. Полковой музей.

При казармах имеется полковая церковь, со склепом для погребения господ офицеров⁴⁸. Начинаю постепенно осваиваться со службой, с Собранием и с топографией казарм.

Рассказ об Императрице

На днях был у моих знакомых. Отец генерал Генерального штаба З. Сын его на фронте в Гвардии. Еще совсем недавно, мальчишками, мы проводили время вместе на пляже в Финляндии. Обе сестры моего товарища еще до войны вышли замуж за офицеров Гвардейской Конницы. Одним словом, это чисто военная семья.

Гостей принимала хозяйка дома. Было всего несколько человек, хорошо между собой знакомых. Говорили о театре, об общих знакомых, о близких на фронте и незаметно перешли на наболевшую тему – заговорили о войне.

– А знаете, господа, – сказала генеральша (ее все так заочно называли) – как в Царскосельском госпитале один офицер стрелял в Государыню Александру Федоровну. Мне рассказывали, что дело происходило приблизительно так: Государыня подошла к постели тяжело раненого офицера, милостиво с ним беседовала и, между прочим, спросила его при каких обстоятельствах, где и когда он был ранен. Офицер рассказал, что он был ранен пулей во время контратаки. Гвардейский Германский Гессенский полк⁴⁹ не выдержал русской штыковой атаки и бросился бежать, побросав оружие. «Это неправда», – сказала Императрица, – Гессенская Гвардия не могла бежать», – и не попрощавшись, отошла от раненого⁵⁰. Офицер выхватил из-под подушки револьвер и выстрелил в Государыню, но промахнулся. Ночью он был расстрелян.

На меня этот рассказ произвел удручающее впечатление, хотя по своей неправдоподобности он похож скорей на сплетню.

Знает ли Правительство, что подобные «новости» передаются уже в семьях офицеров Генерального Штаба? Осведомлен ли Государь о подобном состоянии умов от генерала до солдата! И, вообще говоря, к чему могут привести все эти разговоры, критика, сплетни! Ощущается какая-то особая атмосфера всеобщей напряженности, недовольства, отчаяния. Воздух насыщен каким-то электрическим зарядом. Но, может быть, это только кажется, ведь жизнь идет по-прежнему.

Наша кухарка

Последуем теперь примеру одного великого французского писателя и обратимся к мнению человека из «народа» – к нашей кухарке.

---

⁴⁷ Цук – система неуставных отношений, сложившаяся в кадетских корпусах и военных училищах дореволюционной России.

⁴⁸ Церковь во имя Архангела Михаила (Б. Сампсониевский пр., 61) заложена в 1905 по проекту арх. А. Г. Успенского; освящена 20 ноября 1906. Внутри храма на стенах висели бронзовые доски с именами погибших офицеров Московского полка. В ноябре 1923 в церковном здании открыли клуб, в 1924 – столовую; в 1930-е снесли.

⁴⁹ Как известно, такой полк в Германской армии не существует – Прим. автора [полоса бумаги с этой фразой отпечатана и вклеена в «Записки» позднее].

⁵⁰ Императрица Александра Феодоровна происходила из Гессенского Дома (Алиса Гессенская).

Муж ее работает на Путиловском заводе, то есть словчился от военной службы и зарабатывает очень хорошо, что не мешает ему быть против войны и правительства в результате ежедневной революционной обработки. Мысли свои он высказывает и нашей Наташе.

У нас часто бывает моя тетька, богатая помещица и ярая монархистка. Война помешала ей возвратиться в Рим, где она постоянно живет уже лет 20⁵¹. Западная Европа дала ей своеобразную «демократичность», что не мешает ей любить Россию больше Европы и быть православной и монархисткой.

Она очень любит иногда пойти на кухню и сама приготовить, с присущим ей талантом, какое-нибудь очень вкусное блюдо.

Вернувшись как-то домой из казарм и, узнав, что тетка моя священнодействует на кухне, я пошел туда, с ней поздороваться и случайно услышал конец крупного ее разговора с нашей кухаркой.

– И какой это Царь? – говорил голос Наташи.

– А какого же вам надо Царя? – кричала моя тетка.

– Как какого, – ответила наша кухарка, – ну вот хоть нашего барина (то есть, моего отца).

– Дура!

Я расхохотался от такого оборота спора. Отец мой никогда не разговаривал с прислугой и меня поразило его «избрание». У жены рабочего Путиловского завода цела монархическая традиция и уважение к своему барину.

Начало забастовок

Сегодня утром я вышел из дома в 7 с половиной часов утра и забыл надеть шашку. Словхотавшись на полпути и, вспомнив Начальника Учебной Команды, я вскочил на первого попавшегося извозчика и полным ходом галопировал сначала домой за шашкой, а затем в казармы – как бы не пропустить выход белого шпица.

Слава Богу, всё обошлось.

Начались забастовки на заводах. Кажется, и женщины недовольны – ощущается недостаток в хлебе, выдают по фунту на человека. И это в России – житнице Европы. Может быть, виной всему расстройство перевозочных средств. Но других продуктов сколько угодно. По крайней мере дома я ничего не слышал о продовольственных затруднениях.

Некоторое время тому назад я записался пайщиком в Гвардейское Экономическое Общество, под № 37037.

Отправка маршевых рот на Черноморское побережье

На полковом плацу выстроены маршевые роты. Но их не посылают в действующий полк. Эти роты отправляются на побережье Черного моря для формирования особого корпуса для производства десанта на Константинополь.

Странные роты. Негвардейского вида солдаты старших возрастов, ратники с бородами, мужиковатые. По-видимому, лучших солдат оставили для своего полка.

Полковник Яковлев⁵², заведующий хозяйственной частью, обходит роты, опрашивая, нет ли каких-нибудь претензий или жалоб.

---

⁵¹ Анна Николаевна Кутукова (1871–1925) – дочь Николая Николаевича Кутукова и его жены Марии Павловны, урожд. кнж. Мансыревой (Мансуровой). Певица, пианистка. В 1896 выйдя замуж за художника Александра Александровича Сведомского (1848–1911), переехала вместе с супругом в Рим. Последние годы жила в Сан-Ремо вместе с дочерью Анной Александровной Сведомской (1898–1973), в замужестве Джизмонди.

⁵² Петр Михайлович Яковлев (1878–1931) – военачальник. Окончил 3-е Александровское училище. Служил в Лейб-Гвар-

Затем появляется священник и служит молебен. Роты отправляются на Николаевский вокзал⁵³, и я назначен сопровождать одну из них. Выступаем.

Идем по Сампсониевскому проспекту. Казармы нашего полка со всех сторон окружены заводами и рабочими кварталами. На панелях стоят очереди женщин у продовольственных лавок. Я вижу это впервые. Но я думаю, что очереди стоят у рабочих кооперативов, а не у обыкновенных лавок.

В одном месте Сампсониевский проспект суживается. Очереди стоят с двух сторон. Вдруг женщины начинают кричать, махать корзинками и зажимать проходящие роты.

– Куда идете, родимые, довольно вас перебили. Когда же этому конец будет.

Крики усиливаются, толпа бушует. Меня хватают за рукава шинели, что-то мне кричат, не пускают.

Я отбиваюсь, роты налегают и протискиваются вперед. Проходим. Смотрю на идущего рядом со мной в строю уже не молодого мужика-ратника.

Он плачет. Разжалобили его бабы.

Я отлично знаю, что думает «народ»: вот бере затеяли войну-бойню и без толку убивают мужиков. А генералы и министры продаются немцам, – денежки наживают. В Петрограде не хватает хлеба, а каждый день подводы везут мешки с мукой на Финляндский вокзал – это Царица отправляет хлеб немцам. В Царском Селе имеется беспроволочный телеграф и немцам заранее известны планы русского командования.

И всё в этом роде.

Подобные настроения создаются не без участия оппозиционных партий, которые по-видимому не очень брезгливы в выборах способов борьбы.

Мы проходим через весь город, Литейный, Невский. Прохожие останавливаются, смотрят равнодушно.

На Николаевском вокзале мы сдали наши роты специальным офицерам. Они в шинелях солдатского, матросского сукна, носят морские палаши вместо пашек. Много прапорщиков: специальный выпуск одной из Школ прапорщиков для десантной операции. Я думаю, что если бы мы заняли Константинополь, то война была бы выиграна и окончена.

Начало беспорядков

В городе неспокойно. Говорят, рабочие бастуют и даже выставляют политические требования. Полиция разгоняет сборища на улицах. Прапорщик Гилевич попал на Знаменской площади⁵⁴ в бушующую толпу. Ему пришлось остановить свой автомобиль, так как толпа проколола шины. Занятия в батальоне идут нормально, хотя количество солдат, идущих в караулы значительно увеличено.

Жду моей очереди тоже быть отправленным в город для защиты порядка, то есть династии.

Монархист ли я? Конечно, я готов исполнить мой долг перед Царем. Я готов защищать существующий порядок от бунтующей черни и беснующейся в блудословии юдофильской интеллигенции.

Раз во главе России находится Государь Император Николай Александрович, то защищая Его, я защищаю и Россию.

дии Московском полку. В 1917 вышел в отставку. Позднее служил в Красной армии. Преподавал на Петроградских пехотных курсах. Затем работал в Военно-медицинской академии кассиром, шил и чинил обувь для театров, был военруком Финансового – экономического института. Был арестован по обвинению в утаивании утвари полковой церкви и организации контрреволюционного заговора и был расстрелян.

⁵³ В настоящее время – Московский вокзал.

⁵⁴ Совр. пл. Восстания.

Да разве я могу поступить иначе – ведь меня воспитывали честным человеком. Но к ужасу своему я замечаю, что у меня нет самого главного, что присуще природному монархисту – у меня нет Веры в моего Царя. Конечно, у меня нет революционных мечтаний, но я чувствую горечь и отвращение ко всему происходящему на верхах власти. Хотя, из малопонятного мне самому чувства своего рода осторожности и консерватизма, я стал бы защищать то, во что потерял веру. Лучше то, что есть, чем бунт и насилие. Монархическая идея не умерла, но ужасно дискредитирована.

На 2-е марта я назначен в караул в Зимний Дворец, в помощь капитану Ханькову⁵⁵. Я очень доволен, хотя начинаю уже волноваться, как произойдет смена караулов и т. д. Ведь в гарнизонной службе мы, Прапорщики, не очень сильны.

Уже несколько дней, как занятия прекратились. В городе пахнет бунтом. Столица охраняется войсками. Одна рота за другой при офицерах уходит в город. Позвякивают пулеметы. Я провожу дни в Собрании. Ночевать хожу к себе на Литейный⁵⁶.

26 февраля

Говорят, что беспорядки в городе усиливаются. Но войска еще не применяли оружия. Занятий в батальоне не производится. Сижу в Собрании в ожидании чего-то. Вижу в окно, как укладывают пулемет в сани Командира батальона. Кучер (не в военной форме) тщательно закрывает пулемет медвежьей полостью и уезжает со своим необычайным «седоком». Вечером иду по обыкновению домой, у Финляндского вокзала, на Литейном мосту, около Медицинской академии стоят наши роты, при офицерах, в полной боевой готовности.

* * *

О событиях февраля 1917 года см. Бюллетени Объединения Лейб-гвардейского Московского полка №№ 124 от 14 января 1950; 125 от 9 апреля 1950; 126 от 8 сентября 1950⁵⁷.

«В течение всей войны в 3-ю роту Запасного батальона переводились из 1-й, 2-й и 4-й рот штрафные молодые солдаты, а с конца 1916 года в нее назначались все прибывавшие фабричные рабочие, за различного рода преступления и проступки лишенные права отсрочки призыва в войска, которую пользовались все рабочие фабрик, работавших на оборону государства. Так как старые солдаты, эвакуированные из действующего полка за ранами и болезнями, первоначально составлявшие штат 3-й роты Запасного батальона, постепенно, по мере выздоровления, были снова отправлены в действующий полк, то к началу 1917 года 3-я рота была составлена почти исключительно из одних штрафных и осужденных по суду за разные преступления, выделенных из всего состава Запасного батальона. Остальные 3 роты батальона в начале 1917 года состояли почти исключительно из недавно мобилизованных, совершенно необученных молодых солдат, большая часть которых еще и не была приведена к присяге»⁵⁸.

---

⁵⁵ Пантелеймон Митрофанович Ханьков (1887–1952) – военачальник. Потомственный дворянин. Окончил Орловский Бахтина кадетский корпус, затем Павловское военное училище. Участник Первой мировой войны. По ранению вернулся в Санкт-Петербург. После лечения служил в Лейб-Гвардии Московском полку. В 1918 в Добровольческой армии. С 1920 в эмиграции. Жил в Югославии, с 1941 в Германии, затем в Париже.

⁵⁶ Кутуковы жили на Литейном пр., 9, в доме Страхового общества «Россия».

⁵⁷ Заголовок вклеенного в «Записки» текста из «Бюллетеня...», переписанного от руки.

⁵⁸ Бюллетень [Объединения Лейб-гвардейского Московского полка, 14 янв. 1950, № 124], стр. 5. – Прим. автора.

27 февраля 1917 года. Бунт. Убийство подпоручика Шабунина

Как всегда, встаю утром в 7 часов и заранее выхожу из дома, чтобы вовремя прийти в казармы.

Уже несколько дней трамваи не ходят. На улицах никого нет в этот ранний час, всё спокойно. Стоит прекрасная зимняя погода. Литейный мост занят частями нашего батальона. Как всегда, лихо отдают честь. Последние дни хожу в полном боевом снаряжении, при шашке, револьвере и наплечных ремнях со свистком.

Утро провожу в Офицерском Собрании. Всё время вызывают офицеров, и они уходят в город со своими ротами и взводами.

Завтракаю рано, часов в 11. Новостей никаких нет. (К этому часу многие Запасные батальоны уже взбунтовались, но у нас никто ничего не знал. Я говорю про младших офицеров.)

В первом часу дня вызывают, наконец, и меня. Приказано вступить в распоряжение подпоручика Шабунина, полурота которого уже выстроена на плацу. Иду в огромный вестибюль Собрания. Одеваюсь. Снаружи слышны выстрелы.

Входит Капитан Ханыков. Начинает снимать шинель. В это время солдат застегивает на мне снаряжение, я проверяю патроны в нагане и думаю: застегнут мне снаряжение, успею, как раз, подойти и поздороваться с капитаном. Но капитан, быстрее чем я ожидал, снимает с себя шинель, подходит ко мне первым и говорит:

– Здравствуйте прапорщик, у нас в полку принято здороваться.

– Виноват, господин капитан, – говорю я ему, кладу наган в кобуру и выхожу на плац.

Полуротой командует подпоручик Шабунин из студентов. Отличный офицер. Любимец солдат, заботящийся о них, проводящий с ними свое свободное время. Учит их грамоте, пишет им письма в деревню, входит в их личную жизнь. На полуроте⁵⁹ нас четверо офицеров – подпоручик и три прапорщика. Пересекаем наискось полковой плац и выходим к воротам, что выходят на Лесной проспект. Выходим через ворота (эта часть плаца окружена высоким деревянным забором), их закрываем и выстраиваем полуроту поперек улицы.

Около ворот маленькая дверка. Напротив – тоже забор, а за ним Финляндская железная дорога и пустыри.

Стоим. Где-то за корпусом казарм слышны выстрелы. Улица пустынна. Вижу идет студент-политехник, рассматривает солдат, подходит к нашей группе офицеров и говорит:

– Господа, неужели вы будете стрелять в народ?

Я вижу, что солдаты с любопытством прислушиваются к разговору. Поручик предлагает студенту продолжать свой путь, угрожая в противном случае задержать его. Студент уходит.

У меня вдруг мелькает мысль: а я стал бы стрелять в так называемый «народ»? Конечно, стал бы. Уж очень отвратителен этот беснующийся и одержимый злобой «народ». Делается жутко при одной мысли о том, что такой народ вдруг овладел бы городом.

Где-то слышны выстрелы. Мы не имеем ни малейшего понятия, кто это стреляет. Смотрю на часы. Второй час. Из-за поворота улицы начинают доноситься крики, а затем показывается медленно движущийся задним ходом грузовой автомобиль-платформа. Грузовик полон солдат и людей в штатском, по-видимому рабочих. На платформе стоят два пулемета, и пулеметчики наводят их на нас и на полуроту. Грузовик полон красных флагов. На штыках солдат красная материя, красные банты на груди и повязки на рукавах.

Подпоручик Шабунин командует полуроте взять на изготовку. Солдаты, исполняют команду, но затем начинают что-то кричать, затем опускают винтовки, сходят со своих мест.

---

⁵⁹ Это новобранцы, переодетые в солдатскую форму. За полчаса до этого капитан Дуброва учил их, как заряжать винтовки и стрелять... – Прим. автора [полоса бумаги с этой фразой опечатана и вклеена в «Записки» позднее].

Уже нет никакого строя. Все старания подпоручика Шабунина остаются безрезультатными. Всё это произошло мгновенно.

Грузовик продолжает медленно пятиться, грозя своими пулеметами. Затем останавливается. С него спрыгивает солдат Западного Батальона Лейб-гвардейского Семеновского полка, на штыке красная материя, подбегает к нам и, обращаясь почему-то ко мне, – «Ваше Высокоблагородие, сдавайтесь».

Одновременно начинается стрельба из револьверов с насыпи железной дороги. Пули хлопают около нас в забор. Тут все куда-то ринулось, всё перемешалось, поднялся крик, полурота как бы потеряла рассудок. Солдаты бросились к маленькой дверке и, дав друг друга, начали протискиваться на плац.

Ворота заперты на засов. Мы также проходим на плац, закрываем дверцу и становимся вчетвером шагах в тридцати от ворот. В руках наганы. Наши солдаты буквально стали бесноваться. Но еще не смеют нас тронуть.

Грузовик с пулеметами маневрирует.

За воротами толпа орет и наши солдаты тоже.

И, совсем обезумев, почему-то хватают поленья сложенных около забора дров и кидают их через забор.

Мы стоим перед воротами, которые толпа снаружи раскачивает. Это уже не крики, а какой-то массовый звериный вой.

Вдруг ворота падают. Мгновенно настает мертвая тишина. Толпа видит пустой плац и четырех офицеров с поднятыми револьверами.

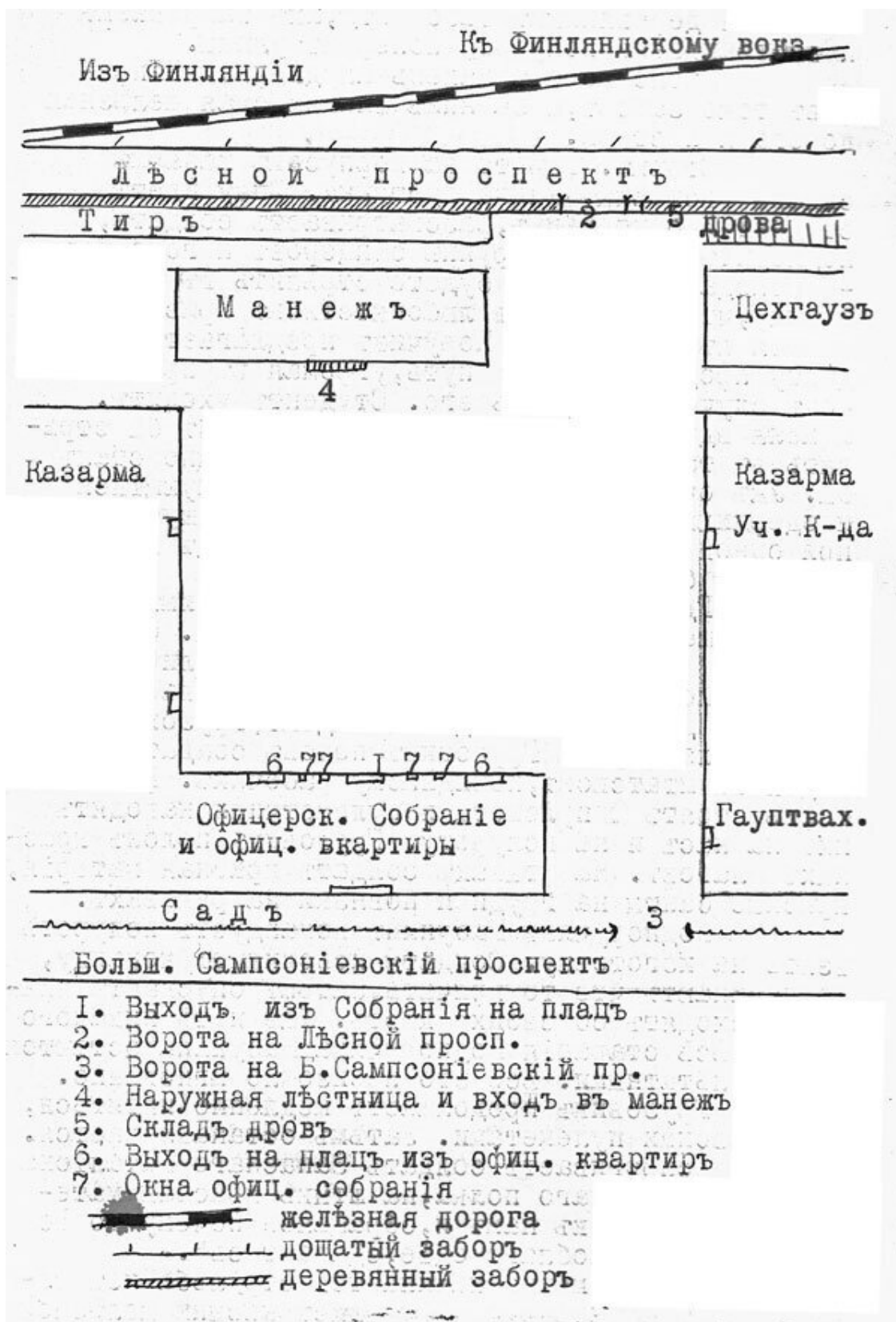
Еще несколько секунд... Вдруг из толпы бросается рабочий с револьвером в руках и стреляет в нас. Толпа завывла.

Подпоручик Шабунин опускает наган. Выстрел. Рабочий падает лицом в снег.

Снова мертвая тишина. Второй раз из толпы бросается один и стреляет в нас. Подпоручик Шабунин опять опускает револьвер. Человек падает в снег. Тишина.

Вдруг толпа завывла и брызнув из ворот, кидается на нас. Мы начинаем отступать назад, отстреливаясь из наганов, а затем бросаемся бежать наискось через плац, в сторону Офицерского Собрания. Нам вдогонку бешено стреляют как чужие солдаты, так и нашего Запасного Батальона. Пули свистят в воздухе и взрывают снег полкового плаца.

Вдруг вижу: подпоручик Шабунин, бегущий рядом со мною, падает с размаха. Я наклоняюсь к нему – он лежит без движения. В это время прапорщика С. ранят в руку. Огонь еще усиливается. Мы втроем бросаемся к Собранию. Подбегаю к дверям, хватаюсь за ручку двери – не могу открыть. Со стен сыпятся осколки кирпичей. *Огонь начинает затихать.* Наконец открываем дверь. Вбегаем – спасены.

Рукопись «Записок» Л. Н. Кутукова. План казарм лейб-гвардии Московского полка

Стрельба прекратилась. В Собрании доктор и фельдшера перевязывают раненых офицеров. На кухне шальной пулей ранен смертельно солдат. Смерть искала его: пуля пробила окно, деревянную перегородку и всё же нашла свою жертву.

Офицерское Собрание превратилось в окоп передовой позиции. Продолжают прибывать офицеры с винтовками в руках. Собираются также человек сто верных солдат. Оказывается, что у других ворот (3)⁶⁰ плаца произошло приблизительно то же самое. Там несколько офицеров было легко ранено, а у одного был вышиблен глаз. Через плац они видели, что происходило у наших ворот, и когда мы побежали к Собранию, открыли огонь по толпе, стрелявшей по нам, и этим заставили многих замолчать.

Толпа понесла значительные потери от их пуль и от наших револьверных выстрелов.

К величайшему нашему горю Подпоручик Шабунин был смертельно ранен и через несколько часов скончался, не приходя в себя.

На плацу, за флигелями казарм, происходит совещание людей в черном и солдат (их очень мало). у нас в Собрании тоже обсуждается создавшееся положение. Мы решаем оказывать дальнейшее сопротивление. Размещаемся около окон в двух этажах. *Офицеры и солдаты*. Стекла выдавлены, винтовки направлены на плац. Ждем. К сожалению, у нас нет ни одного пулемета⁶¹.

Проходит некоторое время. Вдруг толпа с криком бросается через плац на Собрание. Мы открываем из окон беглый огонь по атакующим. Толпа отхлынула, оставив на снегу раненых и убитых. Раненые стараются подняться, ползут, волоча раз дробленные ноги. Так отчетливо видны их черные фигуры на фоне снега. Мы сразу же прекратили огонь, и толпа убрала своих раненых.

Через короткий промежуток времени они вновь бросаются на плац, но нашим губительным огнем опять рассеиваются, а затем подбирают убитых и раненых. По-видимому, эти рабочие, окопавшиеся на заводах, не имели никакого представления о силе ружейного огня.

После еще одной попытки они отказались от мысли завладеть Собранием и больше не показывались.

Нам стало известным, что они собираются вернуться утром с оружием и выбить нас картечью. Уже темнело. Я пошел к телефону.

Он действовал. Я позвонил домой и сообщил моим родителям в каком безвыходном положении я нахожусь, сказав им, что постараюсь, как можно скорее попасть домой.

Всё, как будто, успокоилось. Мы продолжали сидеть в Собрании и не знали, что делать. Телефон полка в это время уже был выключен из городской сети. Полковник Михайличенко, находящийся в Штабе Округа, позвонил в квартиру генерала Михельсона⁶², расположенную в офицерском флигеле над Собранием, с просьбой передать распоряжение Штаба Округа прекратить сопротивление. Генерал Михельсон спустился в квартиру полковника Яковлева, что рядом с Собранием, и передал приказ.

Полковник Яковлев собрал нас в библиотеке. Это были незабываемые минуты. Какой-то кошмар, страшное, давящее несчастье.

– Господа, – сказал он нам, – я получил достоверные сведения, что все Запасные батальоны Гвардии взбунтовались; город в руках бунтовщиков; держится только Лейб-гвардии Гренадерский Запасной батальон. Кто хочет, постарайтесь прорваться к ним⁶³.

Все мы Прапорщики стояли на вытяжку. Некоторые офицеры, уже давно служащие в полку, плакали. Чувствовалось, что совершилось что-то непоправимое. Разные мысли мель-

---

⁶⁰ См. публикуемый план казарм.

⁶¹ Тут мною допущена ошибка: стреляли не из офицерского собрания, а из адъютантской квартиры, что над собранием. – Прим. автора.

⁶² Александр Александрович Михельсон (1864–1919) – военачальник. Генерал – лейтенант. Окончил Николаевское инженерное училище, а также Николаевскую академию Генерального Штаба. Участник Первой мировой войны. Командир Лейб-Гвардии Московского полка. Начальник Главного управления пограничному снабжению Военного министерства.

⁶³ См. воспоминания А. Земеля, стр. 95. – Прим. автора [машинописный текст «Из воспоминаний А. Г. Земеля» вклеен в самый конец этой части «Записок», при авторской пагинации – с. 95 и 96].

кали в голове: взбунтовавшийся батальон, позор, военный Суд, унижение, разжалование, а главное позор, позор, позор...

Мы даже не знали, не осквернена ли церковь, не надругалась ли чернь над нашими знаменами и над могилами наших боевых товарищей.

Но слово «революция» никому в голову не приходило. Просто дикий бунт и больше ничего. Ведь произошло это только в Петрограде. Наверное, кто-то, кому это полагается, уже действует, чтобы локализовать бунт и верными частями подавить его.

Наступил вечер. Всё стихло. На плацу свободно расхаживают солдаты и новобранцы, еще в вольной одежде. Подхожу к разбитому окну. Увидев меня, кто-то сказал в темноте:

– А здорово били.

Они уже почувствовали свою силу и безнаказанность.

Но что же делать дальше?

Полковник Яковлев собрал нас вновь и приказал нам разойтись по ротам.

Хотя это и показалось совершенно невероятным, но к концу сегодняшнего дня, уже никто ничему не удивлялся. Мы повиновались.

Меня назначили в какую-то чужую роту, а не в мою команду. Неизвестно почему.

Я пришел в ротное помещение. Дневальный отрапортовал, как ни в чем не бывало. Но солдаты еще не ложились спать, хотя шел уже десятый час.

Я собрал людей и сказал им, чтобы спокойно все ложились спать, а дальше видно будет. Сейчас же все успокоились и стали приготовляться ко сну.

Я не имел ни малейшего понятия, что это была за рота: ходили ли люди в караулы, стреляли ли в офицеров, участвовали ли в уличном бунте.

Я прошел в ротную канцелярию. Сел. Разговаривал с писарями. Они предложили мне супу. Тут я вспомнил, что с утра ничего не ел. (Вся Собранская прислуга разбежалась).

Я с удовольствием ел солдатский суп с макаронами. Одна из писарских коек оказалась свободной, я лег не раздеваясь, в снаряжении, и заснул как убитый...

28 февраля

В пятом часу утра меня разбудил поручик Салатко-Петрище.

– Собирайтесь! – сказал он, – надо спастись. Утром предполагается избиение, резня офицеров. Пойдемте в цейхгауз Учебной команды. Вам выдадут солдатскую шинель и фуражку.

В цейхгаузе я застал других офицеров, одевающихся в солдатскую форму. Ни одна шинель мне не подходила – все были мне широки и висели на мне мешком. Я оставил каптенармусу шинель, фуражку, шашку. Засунул за пояс снаряжения наган, пожелал всего наилучшего моим товарищам по несчастью, и в одиночном порядке пошел домой.

Мною овладело сильнейшее беспокойство; я спрашивал себя, как же я дойду до дома – ведь город, наверное, охраняется восставшими... Больше всего меня пугал Литейный мост: в крайнем случае перейду Неву по льду, кстати, недалеко есть переезд.

С такими мыслями я вышел на полковой плац и пошел к воротам, которые были днем выломаны при мне. К величайшему моему удивлению, у ворот не было никого. Никакой стражи. Такое счастливое начало меня подбодрило.

Направляюсь по Лесному проспекту в сторону Невы – ни единой живой души. Пустыня. Город тихо и мирно спит.

Иду вдоль заборов и пустырей. Вижу – идут навстречу человек восемь солдат с винтовками с примкнутыми штыками. Поравнялись. Это наши солдаты возвращаются в казармы.

– Эй, земляк, – говорят, обращаясь ко мне, – что там в батальоне?

– Да ничего, – говорю, – всё благополучно, спят себе. А руку держу на нагане. Постояли. Посмотрели они на мою широченную шинель, да еще без пояса. И разошлись. Странно, думаю, что это мирно так кончилось. А плохо бы мне пришлось. Восемь здоровенных молодцов с винтовками.

Прохожу мимо Финляндского вокзала – никого. А днем тут происходило настоящее сражение. С трепетом подхожу к Литейному мосту – никого. Ни часовых, ни прохожих. Я единственный пешеход на огромном мосту.

Так я дошел до Главного Артиллерийского Управления. Там совсем светло – горит здание Окружного Суда. С треском, поднимая столбы искр, проваливаются потолки. То там, то сям шмыгают какие-то темные личности.

Около входа в Главное Артиллерийское Управление человек 15 штатских топорами разбивают какой-то ящик. Я с любопытством подошел к этой группе посмотреть, что там делается. Ящик полон солдатских перчаток. Все они одинаковые, одного номера. Громилы хватают перчатки, примеряют, затем кидают их на панель, хватают другие, вновь примеряют и опять кидают.

Они охвачены грабительской лихорадкой. Заметили наконец меня и в мою сторону посыпались отборнейшие российские ругательства. Я поспешил отойти.

На углу Сергиевской улицы и Литейного проспекта построено что-то вроде баррикады – стоят несколько пушек, повернутых в сторону Невского проспекта. При них двое часовых – солдаты. Они мирно разговаривают и не обращают на меня ни малейшего внимания. Улицы пусты и город продолжает мирно спать.

Я прошел немного далее, позвонил в свой подъезд. Швейцар моментально открыл.

Я был дома. Родители мои сидели в гостиной и ждали меня. Было около 6-ти часов утра.

Выспавшись и отдохнув от всех тягостных переживаний, я захотел пойти посмотреть, что делается на улицах столицы. Я надел штатский костюм и пальто, чухонскую шапку с наушниками и отправился побродить по улицам.

Какая противоположность тому, что я видел ночью.

Город полон беснующегося народа. Все разукрашены красными бантами и повязками на рукавах. С крыш стреляют городовые; по ним, с тротуаров, палят из ружей группы рабочих и солдат. Говорят, что сотни городских расстреляны у водокачки около Таврического сада. По улицам разъезжают грузовики и легковые автомобили, полные солдат с винтовками, обвязанных пулеметными лентами. Лежат даже на крыльях автомобилей и целятся...

Около всех участков пылают груды бумаг. Разгромили квартиру пристава I Литейного участка, причем из третьего этажа выбросили на улицу пианино. Горит Литовский замок, догорают Окружный Суд. Водят арестованных.

На Невском видел даже мчавшуюся верхом на лошади какую-то женщину без шляпы с развевающимися стриженными волосами.

Пошел к Думе. Видел Родзянко⁶⁴. Он окружен толпами солдат и рабочих и произносит речи. На всех одеты красные банты, все орут, веселятся. Всё это производит на меня жуткое впечатление: я еще вовсе не забыл полученное мною накануне «боевое крещение». Одно лишь я замечал с очевидностью, что во всех действиях толпы не было ни малейшей организации, и не видно было вожаков.

Было полное безвластье.

Мне показалось, что Родзянко со своей наружностью русского барина имел растерявшийся вид и произносил окружающим его «революционерам» какие-то подходящие фразы.

---

⁶⁴ Михаил Владимирович Родзянко (1859–1924) – политический деятель, Председатель Государственной думы III и IV созывов, один из лидеров Февральской революции, председатель Временного комитета Государственной думы (1917), один из основателей и лидер партии октябристов, основатель (совместно с А. И. Гучковым) Либерально-республиканской партии России.

У меня создалась уверенность, что к ночи опять наступит полная тишина, и город опустеет. «Революционные войска и рабочие» набегаются, настреляются, накаются на чужих автомобилях и наоравшись вдоволь, устало разбредутся по своим домам и казармам.

Ну, конечно, – думал я, – ночью их и ликвидируют, двинув на Петроград верные части.

1 марта

Я опять вышел на улицу понаблюдать.

Пальба продолжалась. Пулеметы стреляли по всему городу. Беснование продолжалось. Ничего неизвестно, что происходит в России и на фронте.

Но никто и не пытается навести порядок.

У нас в доме произошла зверская расправа: чернь загнала с улицы на лестницу дома офицера в форме и убила. Стены были забрызганы кровью и мозгами.

Насмотревшись вдоволь на улицах, меня вдруг потянуло в наш Запасный батальон.

Недолго думая я туда отправился. (Надо было иметь 19 лет, чтобы делать подобные глупости).

Прихожу на плац. На меня никто не обращает внимания – таких типов в штатском эти дни полны все казармы. Иду в Собрание.

Боже! Во что они его обратили! Всё разгромлено, вся мебель переломана, весь пол завален бумагами и книгами полковой библиотеки. В биллиардной мягкая, кожаная мебель порублена шашками. Сукно биллиарда разорвано штыками, валяются обломки киев, биллиардные шары, конечно, украдены. Чудом уцелели висящие по стенам портреты бывших командиров полка. По Собранию бродят какие-то личности и роятся в ворохах бумаг и всяких разбитых предметов. Окна выбиты. Видно, что с остервенением били, ломали, рубили, рвали и кололи всё, что попадалось под руку. Безусловно надо озвереть и потерять человеческий облик, чтобы так всё опустошить.

Выхожу с тяжелым сердцем, направляюсь к воротам. Невдалеке стоит группа солдат и штатских. Они следят за мной и о чем-то разговаривают. Потом, вдруг направляются ко мне, хватают меня за руки и тащат к гауптвахте.

Я проклял тот момент, когда нечистая дернула меня пойти в казармы.

– Бей его – это провокатор (уже выучили словечко), чего с ним разговаривать. Солдаты меня узнали, но штатские недоумевали, зачем мне понадобилось, переодевшись в штатское шляться по казармам.

Я пытаюсь что-то им объяснить, но никто меня не слушает. И они совершенно правы – на кой черт я сюда явился.

Собирается моментально толпа, солдаты и штатские – все вооружены винтовками, шашками, револьверами, пулеметными лентами обмотаны вокруг туловища. Мне угрожают, ругаются, толкают и тащат куда-то. Около гауптвахты становятся меня к стенке. «Ну, – думаю, – конец на этот раз». Но неожиданно вдруг меня оставляют. Я не верю своим глазам, какие-то солдаты меня защищают от нападающей толпы. Второразрядники. Моя команда.

– Это наш прапорщик и вы его не троньте. Он был у нас как бы голова нашего общества, – говорит младший вахмистр Стецюренко. (А я ему недавно ставил двойки за диктовки). Но штатские и слышать не хотят – задолбили «провокатор» и кончено.

Тогда я и говорю:

– Ну какой я провокатор? В цейхгаузе висит моя шинель и фуражка, я сам их покажу. Если мне в пору – то значит эти солдаты говорят правду.

Все повалили в цейхгауз. Я показывал дорогу. Я надел мою шинель и фуражку. Это всех убедило. Тогда моя команда взяла винтовки, построилась, поставила меня в середину и повела домой под конвоем.

На улицах шла стрельба. Бабы на тротуарах смотрели, как меня вели, и качали головами: – И такой молоденький, ах страсть-то какая.

Убийство штабс-капитана фон Фергена

Оказывается, накануне утром 28 февраля, как это было условлено, толпа солдат и рабочих пошла обыскивать офицерский флигель. Никого из офицеров уже не было в казармах – все разошлись ночью, переодевшись в солдатскую форму.

Капитан фон Ферген не захотел оставить своей квартиры. Рано утром толпа ворвалась к нему на квартиру, выволокла на плац и убила⁶⁵. Говорят – солдаты его же роты. Они его очень любили; совершив злодеяние, они вдруг пожалели об этом, начали плакать, подняли его тело, привели его в порядок... Когда же пришла вдова капитана, почему-то вдруг захотели не выдать ей тело и вновь над ним надругались. Потом сами взяли тело, положили в гроб и принесли в полковую церковь. Затем снова их что-то обуяло, не захотели давать совершить отпевание. Во время панихиды плакали...

Всего в нашем батальоне за эти дни было убито три офицера и несколько ранены. Число пострадавших солдат, рабочих и других мне неизвестно.

Так происходила в нашем Запасном батальоне «бескровная революция».

Отречение Романовых. Временное правительство

Все последующие дни не принесли ничего хорошего. В городе постепенно наступало успокоение. Я ходил регистрироваться в Собрание Армии и Флота на Литейном. Там побывали десятки тысяч офицеров, неизвестно для чего.

После знаменитого приказа № 1 офицерство перестало существовать, а с ним и Русская Армия⁶⁶.

Из газет мы узнали, что Государь отрекся за себя и за Наследника, в пользу своего брата Великого Князя Михаила Александровича. Говорят, что сразу после отречения Императора Николая II, Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко предложил Великому Князю Михаилу Александровичу вступить на Престол предков.

– А можете ли Вы мне гарантировать жизнь? – спросил Великий Князь.

Конечно, во время бунта Родзянко ничего не мог гарантировать, и Великий Князь поспешно отказался от престола.

Все мы, русские, обязаны были умирать за Веру, Царя и Отечество не «щадя живота», а вот Великий Князь не пожелал рискнуть своей драгоценной жизнью, чтобы спасти Россию. А мог бы спасти. Сказано ведь: «кому дано многое, с того многое и спросится».

Романовы с необычайной легкостью поспешили сдать власть Временному Правительству.

После 300 лет царствования династия не оказала ни малейшего сопротивления бунту, ни желая бороться за свои права. Один Великий Князь даже пришел в Думу с красным бантом на груди.

---

⁶⁵ О казни капитана Александра фон Фергена пишет также и А. И. Солженицын в книге «Красное колесо. Узел 3. Март Семнадцатого».

⁶⁶ Приказ № 1, изданный объединенным Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов (Петросоветом) 1 (14) марта 1917, предписывал воинским частям подчиняться не офицерам, а своим выборным комитетам и Петросовету, и проч.

Действующий полк

Я узнал, что в нашем действующем полку под давлением полкового комитета многим офицерам пришлось покинуть полк. Некоторые из них поехали во Францию. Наоборот, многие офицеры Запасного батальона поехали на фронт, думая, что там лучше. Инвалиды вышли в отставку, другие совсем откомандировались. Я же вообще ничего не предпринимаю, так как считаю, что при создавшихся условиях вообще совершенно бесполезно служить.

Война уже проиграна. Разве можно воевать без Армии?

Так шли дни за днями. Безобразия будто бы прекратились. Улица приняла свой нормальный вид, только исчезли городские. Зато солдат запасных частей высыпало на улицу бесчисленное множество. Ведь всякие занятия в батальонах прекратились тем более, что там почти не было офицеров.

Я обратился в штатского человека, жил частной жизнью и подумывал возобновлять занятия в Университете. Я не задумывался о том, чтобы продолжать военную службу, считая, что в такой развал мои услуги вообще никому не нужны. Тем более, что офицер занял теперь в Армии положение парии. Вопрос о том на какие средства существовать, меня абсолютно не затрагивал.

Временное Правительство и Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов

Как ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мера не дана.

И. Крылов⁶⁷

В России, в частности в Петрограде, фактически было двоевластие – Временное Правительство и Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов.

Это последнее учреждение поставило себе целью разрушить до основания остатки Российской Государственности. В этом направлении Советом велась яростная пропаганда, главным образом среди солдат и рабочих. Большинство в Совете коммунисты, они называются еще «большевиками». (Я впервые на днях узнал об их существовании. Российское население и не подозревало о существовании такой партии. Известны они были только сыскной полиции).

У Временного же Правительства вообще никаких целей не было, а если и были, то оно абсолютно ничего не делало, чтобы их добиваться.

Советы – это закусившая удила мчащаяся, взбесившаяся лошадь. Временное Правительство – это беспомощно болтающийся корабль среди бури.

Никто не становится за руль и не поднимает паруса.

Оказывается, что Временное Правительство желает вести войну до «победоносного конца», остается верным «Союзникам». Россия управляется демократическим способом. В ближайшее время собирается «Учредительное Собрание» для выяснения окончательного образа правления в России. Немедленно входят в действие все демократические свободы

---

⁶⁷ Цитата вырезана (вероятно, из отрывного календаря, с характерным мелким шрифтом) и вклеена в рукопись.

(несмотря на войну), – свобода слова, печати, собраний и т. д. Смертная казнь отменяется. Евреи получают равноправие.

Советы (коммунисты) стоят за немедленное прекращение «империалистической бойни» и мир «без аннексий и контрибуций, на правах самоопределения народов». Вся власть трудящимся, то есть рабочим и крестьянам.

Штыки перековываются на плуги. Земля – крестьянам. Заводы – рабочим. Немедленно. Солдаты приглашаются брататься с врагом. Возвращаться домой и делить землю.

Все равны, нет ни бедных, ни богатых.

В России, а затем и во всем свете, наступает новая эра равенства, свободы, благополучия, счастья и благоденствия. Весь мир управляется Рабоче – Крестьянским Правительством...

Смерть буржуям: помещикам, капиталистам, попам и генералам.

Рабочим, крестьянам и солдатам предлагается силой захватить в свои руки власть.

Демократическое Временное Правительство предоставило русскому народу полную свободу выбора.

Приглашение меня на службу в Запасной батальон

Как-то раз вечером мы сидели за столом и обедали. Звонок. Горничная говорит, что пришли солдаты и желают меня видеть. Что это еще за солдаты? Я вышел в переднюю, вижу – нашего Запасного батальона.

– Здравствуйте, – говорю им.

– Здравия желаем, Господин Прапорщик.

– В чем дело?

– Так что мы пришли сказать вам, господин прапорщик, что батальонный комитет одобрил вас.

– Как одобрил?

– А так что одобрили (тут я понял, что одобрили) и просят вас, господин прапорщик пожаловать на службу в батальон, так как у нас совсем нет офицеров.

Я посмотрел на них – совсем прилично разговаривают, будто и занятия хотят возобновить.

– Что же, – говорю я, – приду завтра утром.

На этом мы и расстались.

Начало службы в республиканской армии

На другой день утром я отправился в батальон. Разные мысли были в моей голове. Рассудок говорил, что всё кончено, что крушение уже наступило, что никакие демократические приемы, ни уговоры Временного Правительства не смогут заставить солдат продолжать войну.

В первый раз после революции я шел по улице в форме. Навстречу попадалась масса солдат, но никто не отдавал честь. Первое проявление демократизма проявлялось в том, что перестали отдавать честь своим офицерам. Это было также своеобразное выражение равенства. Несмотря на это я шел в свой батальон, сердце влекло меня туда – меня призывала служба.

Было конечно очевидно, что Россия стоит на краю пропасти, перед лицом врага, без Армии.

А вдруг совершится чудо, найдется сильный человек и восстановит дисциплину в Армии? Вот я и пойду служить, ждать это чудо и ему содействовать.

Россия лишилась своего Царя, но Отечество более чем когда-либо находится в опасности. И разве можно отвернуться от него в то время, когда оно переживает такие страшные страницы своей истории? Раз Временное Правительство противопоставляет себя Совету – то

надо идти служить и содействовать сторонникам порядка. А дальше видно будет... Если же из этого ничего не выйдет, то ответственность падет на руководителей. А я исполню мой долг перед Родиной, и совесть моя будет спокойней.

Первый контакт с солдатами

В батальоне я уже застал многих офицеров, возвратившихся в казармы. Командиром батальона был «выбран» полковник Яковлев. Остальные офицеры-Прапорщики. В помещении Офицерского Собрания заседал батальонный комитет, часть членов которого была членами Совета Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов.

Запасный батальон Лейб-гвардии Московского полка состоит из 4-х рот по 1000 человек в каждой: 1-я, 2-я, 3-я и 4-я.

Каждая такая рота называется «номерной» ротой и делится на четыре литерных: А, Б, В и Г, и по существу является батальоном. В Общем запасный батальон состоит из шестнадцати рот и Учебной команды.

Батальонный комитет. Подпрапорщик Кустов

Батальонный комитет выбрал 4-х ротных командиров номерных рот: трех офицеров и одного подпрапорщика (нижний чин).

Я попал на литерную роту, к еще не обученным новобранцам и в подчинение к подпрапорщику Кустову. Дело принимает пикантный оборот. Посмотрим, что будет дальше.

В первый же день распределения командиров рот, батальон был выстроен на полковом плацу с тем, чтобы офицеры явились к своим ротам. Мне очень скромно скомандовали «смирно». Я, с подчеркнутой выправкой, отдал честь, но, чтобы не вызывать недоразумений, не «поздоровался». Уже было известно, что отвечать хором на приветствие офицера считалось ниже демократического достоинства.

Я стоял затем около моей роты, разговаривая с фельдфебелем насчет предстоящих занятий. Всё было очень мирно и не замечалось никакой враждебности. Вижу, идет мой «ротный командир» подпрапорщик Кустов (нижний чин).

Я ему просто сказал: «Здравствуйте, подпрапорщик» и выдал руку, на что он выпятил на меня свои рачьи глазки, но ничего не сказал.

Это был старый солдат, прослуживший в полку лет пятнадцать, рябой, толстый, с огромной рыжей бородой и маленькими хитрыми глазками. В остальных трех литерных ротах произошло приблизительно тоже самое. «Принятие командования» кончилось...

На другой день утром являюсь на занятия. Меня вызывают в батальонный комитет. Вхожу. Я в первый раз вижу заседание солдатского комитета. Стоит стол, покрытый сукном, с разложенными на нем бумагами. Вокруг стола сидят солдаты – члены комитета. Когда я вошел, никто, конечно, не потрудился встать. Всё это было «очень смешно, если бы не было так грустно».

– В чем дело? – говорю я.

– А вот что, «товарищ» (впервые, будучи в форме, я услышал это отвратительное обращение, – мы хотели вас спросить, почему вы не командовали «смирно» вашему ротному командиру – подпрапорщику Кустову?

– Что, – говорю я, – командовать смирно нижнему чину? Отказываюсь. Произведите его в офицеры, тогда я буду ему командовать.

Повертываюсь и хочу уходить.

– Пойдите, товарищ, – говорят мне, – мы вас заставим командовать вашему ротному командиру, довольно вы нашей кровушки пили, довольно на нас ездили. Теперь мы на вас будем ездить. Мы вам покажем.

Я пожал плечами и вышел из помещения ничего не ответив. Я даже не обозлился, до того мне было смешно в эту минуту. Слова насчет «пития крови» были уже популярными в Петрограде, и служили насмешкой на счет революционной солдатни. Вскоре, однако подпрапорщик был смещен, и ротным командиром назначен офицер. Во всяком случае «демократические начала» весьма быстро проникали в российскую республиканскую Армию.

Впоследствии А. Ф. Керенский произвел подпрапорщика Кустова в «прапорщики революции».

* * *

Удивительное совпадение⁶⁸

В Ницце, в августе 1977 года, я лежал в госпитале. Одна из сестер сказала мне, что ее отец русский, что ему 70 лет, и фамилия его Кустов. Кустов? Я попросил спросить ее отца, не служил ли его отец в Императорской Гвардии? Оказалось, что он служил Лейб-гвардии в Московском полку!! Его сын, отец госпитальной сестры, пришел навестить меня в госпиталь. Он родился в казармах нашего полка (подпрапорщики имели комнату и кухню при ротном помещении). Мы долго и дружески беседовали, и я даже рассказал ему об инциденте, который у меня случился с его отцом ровно 60 лет тому назад.

В августе 1917 года Керенский произвел Кустова в «прапорщики революции».

Вернувшись в свою деревню после демобилизации, где его знали, как «нижнего чина», он проболтался, что, дескать, он «гвардейский офицер». За это его и расстреляли.

Собеседнику моему было тогда 11 лет. Он был кадетом Псковского Кадетского корпуса.

Я служил в Северо-Западной армии генерала Юденича⁶⁹, и он тоже обретался в отряде Балаховича⁷⁰ в этой же Армии.

Внучка подпрапорщика Кустова пригласила меня в свой дом обедать, где я и познакомился со всем потомством этого незадачливого «гвардейского офицера».

* * *

Обучение новобранцев

Несмотря на мой столь неудачный дебют, я всё же продолжал регулярно ходить в батальон, и обучать мою «литерную роту» новобранцев. у меня был очень хороший и приличный фельдфебель, отличные унтер-офицеры и занятия шли очень гладко и успешно.

Унтер-офицеры отлично знали свое дело, я ни во что не вмешивался, иногда делал замечания, которые беспрекословно принимались. Изредка я сам производил учение, как бы для

---

⁶⁸ Текст напечатан на позднейшей вклейке в «Записки».

⁶⁹ Николай Николаевич Юденич (1862–1933) – военачальник. Генерал от инфантерии. Участник Первой мировой и гражданской войн. В эмиграции жил во Франции.

⁷⁰ Станислав Никодимович Булак-Балахович (1883–1940) – военный и политический деятель. Участник Первой мировой и гражданской войн. Ротмистр Русской императорской армии, полковник Красной армии, генерал Белой армии, армии Белорусской народной республики и Войска Польского.

контроля. Мужчина создан для военной службы. Еще мальчишками начинается игра в солдатики. Мои девятнадцатилетние новобранцы безусловно увлекались. Определенно нравилось им ходить строем, давать ногу, задира́ть штыки винтовок и петь песни. Иногда даже веселились. В роте был новобранец эстонец, не понимающий ни слова по-русски, очень комичный, белобрысый, толстый, с серьезным, но растерянным лицом. Он не понимал команд. Сделает рота какой-нибудь прием, он смотрит, что делают соседи и с опозданием старается имитировать. Немало было смеху.

Я был вполне доволен этими занятиями.

Устройство Офицерского собрания. Гарнизонная служба

В одной из бывших офицерских квартир устроили Офицерское собрание. Мы выбрали хозяина собрания – прапорщика Несвицкого и он, без труда, нашел прежнего повара и половых.

А мы то опасались, что они сочтут для себя унижительным работать в собрании.

Создавалось подобие нормальной военной жизни батальона. Назначался дежурный офицер. Производился развод караулов. Вначале солдаты не хотели брать «на краул». Их демократическое достоинство запрещало делать этот ружейный прием перед офицером.

Обыкновенно дело происходило так: начинался развод. Караулы были очень велики. Прапорщик обходил солдат, требуя подтягиваться, делал замечания насчет формы, одежды, посылал иногда в казармы то одного, то другого солдата исправить неточности и опущения обмундирования.

К сожалению, офицер не имел никакой абсолютно власти и не мог налагать взыскания. Солдаты теряли терпение и начинали злиться.

Когда развод принимал более или менее приличный вид, командовали «на краул». Часть солдат исполняла команду, другие «протестовали» и отказывались. Прапорщик командовал «отставить», и всё начиналось сначала. Каждый раз происходила такая комедия.

О Временном правительстве, Совдепе и подпоручике Сибирском

Мы, Прапорщики, буквально лезли из кожи, чтобы забрать солдат в руки. Мы делали это индивидуально по собственной инициативе. Ни разу мы не встретили поддержки сверху. Ни разу ни Временное Правительство, ни подчиненный ему Штаб Петроградского Военного Округа не оказал нам поддержки. Наоборот, в батальонный комитет приходили демагогические распоряжения, полные напыщенных фраз о революции, демократии, «сознательности» солдатских масс и т. д., и подрывали наши одинокие попытки заставить солдат подчиняться своим офицерам.

Мы, Прапорщики, со всей нашей юностью и чистотой сердца отдались этим усилиям воссоздать Армию. Но и среди нас нашлись попутчики революции.

Подпоручик Сибирский был избран председателем батальонного комитета и членом совета рабочих и солдатских депутатов. Он никогда не бывал в нашем новом Собрании, ничем не командовал, а занимался только пропагандой коммунизма. Он окружил себя помощниками-солдатами и повел в нашем батальоне бешеную советскую агитацию. Не в нашей власти было ему помешать: с необычайной слепотой Временное Правительство, роя себе яму, разрешало пропаганду, руководствуясь принципами демократии. Одним словом, всё было в порядке вещей – «охраняли завоевания революции», немного занимались строевыми занятиями, лущили подсолнухи, часовые теряли на посту винтовки, заседали в Комитете и служили объектом страшнейшей по своей примитивности большевицкой пропаганды. Отношение к

офицерам было благодушное. В общем это было существование по инерции. Не было никакой созидательной силы, но зато была масса разрушающих.

О 28-м феврале

Однажды подходят ко мне несколько солдат и говорят:

– А помните, господин Прапорщик, ночью 28 февраля на Лесном проспекте вы встретили несколько солдат? Вы еще с ними разговаривали. Вы были переодеты в солдатскую шинель.

– Как-же, как-же, – говорю я, – помню.

– Ну, так это были мы и вас обузнали.

– Почему же вы меня не тронули?

– Да что же, господин Прапорщик, вы молодые и худого нам ничего не сделали.

Этот разговор еще лишний раз показал, что не всё было потеряно, еще можно было восстановить Армию и спасти Россию. Но Россия приносится в жертву демократий.

Демагогия и развал

Постепенно чувствуя, что власти никакой нет, слыша зажигательные речи Ленина из дворца Кшесинской, читая «Правду» и другие коммунистические шедевры, солдаты стали распускаться: начали ходить без погон, без ремней, подсолнечная шелуха засыпала Россию. Почти перестали выходить на занятия. Теряли воинский вид.

Несмотря на всё происходящее, мои однополчане и я всё же верили, что это только временное состояние, что придет решительный человек и приведет всё в порядок.

Непосредственно соприкасаясь с солдатской массой, нам особенно ясно был виден ужасающий развал и гигантскими шагами приближающаяся катастрофа. А потому у нас и была уверенность, что так не может продолжаться.

Наблюдая разнузданную, дезорганизованную солдатскую массу, я верил, что еще возможно спасти Армию. Пришел бы человек, сформировал бы ударные отряды из офицеров, «изъял» бы из обращения Ленина и его пропаганду, расстрелял бы несколько бунтов и предателей, восстановив полевые суды, и Россия была бы спасена. Не было никакого сомнения, что едва бы показали палку, все бы образумилось. Я это утверждаю категорически, стоит посмотреть на эту солдатскую массу. Это глина, из которой человек сильной воли может вылепить всё, что угодно. Даже абсурд.

«Вставай, подымайся, рабочий народ»

Придя утром в батальон я, к моему удивлению, застал мою роту на плацу. Поздоровался. Ответили. Я позвал к себе фельдфебеля и начал его расспрашивать, что нового слышно в казармах. Проходя строем мимо меня, рота вдруг запела: «Вставай, подымайся, рабочий народ», поют и ухмыляются. Я повернулся и пошел в Собрание.

Бурное заседание батальонного комитета

Сегодня в батальонном комитете бурное заседание. Приехали делегаты из Действующего полка и требуют пополнений. Для большей убедительности солдаты были созваны около

манежа. Наружная лестница ведет во второй этаж (вернее на хоры) манежа и образует площадку. Оттуда (4)⁷¹ и произносятся все пропагандные речи. С возвышения солдат кричал:

– Товарищи! Они – это мы, а мы – это они. А потому мы – туды, а они суды!

Вижу, что его слова совсем не популярны у творцов и защитников революции – на фронт ехать не желают. Станный вид этого делегата – без погон и без ремня. Он появляется всё время вместе с подпоручиком Сибирским – значит имеет связи с советом солдатских рабочих депутатов. Зачем же тогда он уговаривает солдат ехать на фронт?

После заседания в помещении комитета разгорелся спор между одним из депутатов и солдатами, которые пригрозили его убить. Делегат (отличный, не распропагандированный солдат) пришел в ярость.

– Меня убить! Ах вы, сукины дети, шкурники, – кричал он им, – попробуйте, выходите с винтовками на плац, дайте мне только лопатку – я вас, сукиных детей, всех как зайцев перестреляю!

Молчание.

– Ну, выходи, что ли.

Никто не двинулся, дебаты продолжались...

Не знаю, чем это всё кончилось, но только были составлены 5 маршевых рот (1250 человек). Несколько офицеров пожелали отправиться в действующую Армию. Кроме того, были назначены офицеры для сопровождения эшелона до фронта, с тем, чтобы потом возвратиться в Петроград.

Я попал в их число.

Поездка на фронт

Гвардия стояла тогда около г. Луцка. Большинство солдат запасного батальона были мобилизованы в южных губерниях Империи (малороссы, или так называемые украинцы) и, конечно, большинство из них намеревалось сбежать во время пути и отправиться по домам.

Принимая это во внимание, последовало распоряжение отправить эшелон сначала в сторону Двинска, а затем на Юг, вдоль фронта, избегая таким образом «опасных» губерний.

В 20-х числах мая маршевые роты прошли через весь город и прибыли на Балтийский вокзал. Уже был приготовлен поезд: 50 товарных вагонов и один II класса посреди состава для офицеров.

На вокзале были провожающие; слезы прощания, голосили бабы; наконец поезд тронулся и положил конец этим тягостным сценам.

Я был назначен командиром 89-й маршевой роты. 89 маршевых рот! Пять раз целиком сменился весь состав полка.

Мы выехали уже к вечеру. Я занимал купе с прапорщиком Суходольским, ехавшим на фронт окончательно. Он задумчиво сидел и скандировал слова романса:

– Кого-то нет, кого-то жаль. Кого-то нет, кого-то жаль⁷². Я не нарушал его раздумий. Вскоре мы легли спать.

Утром проснулись в Пскове. Поезд долго стоял, кормили солдат – я пошел посмотреть город. Стояла чудная погода, но было жарко. В вагоне было душно. Мы взобрались на крышу нашего вагона, разослали шинели и ехали – потихоньку пикником – неофициально состоящий при нас вестовой подавал нам чай и еду. Надо было только остерегаться проволок перетянутых над вагонами через полотно: задев за такую проволоку или за мост, можно было остаться без головы.

---

⁷¹ См. публикуемый на с. 52 план казарм.

⁷² Стихи Михаила Яковлева (лицейского друга Пушкина), позднее положенные на музыку Иваном Рупиным.

Но поезд шел медленно. Иногда останавливался у закрытого семафора. Солдаты звали их «журавлями». На ходу пели песни.

По нашему примеру многие расположились на крышах теплушек. Пейзажи сменялись непрерывно. Леса, поля, луга. Крестьяне косили сено. Иногда около самого полотна. При виде работниц – девок и баб – солдаты начинали кричать и махать руками. Девки отвечали, а иногда задирали юбки выше талии, дразня солдат.

На крыше вагона. Прапорщики Кутуков (стоит), Славницкий и Переверзев, май 1917 г.

В таких случаях крики из вагонов переходили в овацию. Таков характер примитивного российского флирта. Одним словом, ехали очень мирно и как бы даже с удовольствием – была чудная погода, леса, луга. Революционная атмосфера Петрограда осталась позади.

Ночью приехали в Двинск. Город пуст. Тишина. Всюду масса складов оружия и снарядов. На вагонных платформах в разобранном виде огромные осадные орудия. За городом фронт.

Видны взлетающие разноцветные ракеты.

Странная там идет жизнь. Эту жизнь можно наблюдать в виде разноцветных огней.

Они вспыхивают, светят несколько мгновений, а затем потухают. Это жизнь фронта, жизнь войны. Враги наблюдают друг за другом днем и ночью. Но немцы и не думают наступать. Они выжидают. На них работает Ленин.

Враг почему-то не боится российской демократической и сознательной армии, поставившей себе цель воевать до «победоносного конца». Днем над нашим эшелоном летал германский аэроплан, видел идущие пополнения, но бомб не бросал. Да и зачем бросать какие-то бомбы, раздражать напрасно «товарищей», когда в Россию послан целый «запломбированный вагон».

Ведь у нас теперь свобода.

Досадно смотреть на эти миролюбивые аэропланы. Где-то в глубине сознания начинает появляться стыд перед врагом, не достаивающим нас бомбой. Некогда славная Российская Армия уже не страшна врагам России! Это так очевидно, так горько и так... страшно за будущее.

Нельзя обвинять немцев, что они напустили на нас большевиков. «На войне, как на войне». Но почему они в России на свободе! Идиотство это или преступление!

На следующее утро проезжали район Барановичей и Молодечно. Вдоль полотна железной дороги курганы общих могил. Говорят, что здесь похоронены беженцы из Царства Польского. Какой тут должен был происходить кошмар.

Чего они собственно бежали? От германских зверств? В эти зверства я не верю. Солдаты всех армий неминуемо озверевает. Чем же немцы хуже других?

Опять появились германские аэропланы. На этот раз сбросили несколько бомб, к счастью не попавших. С тендера нашего паровоза стреляли пулеметы. Это уже немного было похоже на войну. Так прибыли мы в Ровно. Без конца стоим на запасном пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.